

НОВАЯ ПОЛЬША 1/2011

Содержание

1. СПРОС НА ПРАВДУ
2. ПОЛЬСКИЙ ПЕРЕКРЁСТОК
3. ТРАВЛЕННЫЙ ВОЛК
4. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
5. AD MULTOS ANNOS, ЕЖИ!
6. ПЕРЕВОДЧИК
7. ИСТОРИЯ МОЕЙ СЕМЬИ
8. ДНЕВНИК
9. Из книги «СТИХИ О ПАРИКМАХЕРАХ»
10. ИРОНИСТ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ
11. Я ВИДЕЛ, КАК ДО ЭТОГО ДОШЛО
12. «АНКОР, ЕЩЕ АНКОР!» ПАВЛА ФЕДОТОВА И ЯЦЕКА КАЧМАРСКОГО
13. АНКОР, ЕЩЕ АНКОР!
14. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
15. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

СПРОС НА ПРАВДУ

— На протяжении длительного периода наш патриотизм формулировался на антирусской основе. Могут ли поляки и сегодня по-прежнему так его определять?

— Патриотизм никогда не должен определяться как направленный против других народов. Концепция патриотизма меняется. Формирование современных наций началось на рубеже XVIII–XIX вв. Этот процесс продолжался и в XIX веке, когда Польши на карте Европы не существовало. Польское государство было поделено между тремя захватчиками, и позиции поляков в каждой из трех частей складывались по-разному. Но почти всегда — что понятно, когда ведется борьба за независимость, — это было противостояние государству-захватчику.

— И с таким багажом поляки вошли в свое возрожденное государство.

— Это было государство, сшивавшееся из трех кусков. Для тогдашнего молодого поколения существование независимого государства уже само по себе было ценностью. Важным было то, что можно ходить в польские школы, что все учреждения — польские. Патриотизм и патриотическое воспитание были чем-то очевидным и естественным. Потом пришла Вторая Мировая война, и патриотизм поколения, воспитанного в возрожденной Речи Посполитой, выдержал испытание. Доминировало убеждение, что патриотизм — это борьба не только за свободное, но и за социально справедливое государство. Варшавское восстание — подобно восстаниям 1830 и 1863 гг. — стало экзаменом этого поколения и вместе с тем символом борьбы за независимость. Оно определяло отношение поляков к своему государству. И это привело к тому, что новая, навязанная извне власть начала свое правление с дезавуирования Варшавского восстания и преследования его участников.

— На чем «народная» власть строила патриотизм?

— Дилемма новой власти состояла в том, как легитимизировать свое правление, коль скоро ее представители были полностью зависимы от Советского Союза, коль скоро вся система, само ее существование целиком зависело сначала от присутствия советских войск, а позднее —

от шантажа вооруженной интервенцией. Надо помнить, что такая интервенция действительно происходила — в июне 1953 г. в Берлине, в октябре 1956 г. в Венгрии, в августе 1968 г. в Чехословакии. Иными словами, угроза интервенцией отнюдь не была просто пугалом.

Для Владислава Гомулки, Эдварда Герека, да и для остальных вождей ПНР серьезной задачей было приобрести общественную поддержку. Они жаждали, чтобы общество признало государство и его строй, но еще и хотели, чтобы поляки воспринимали его как польское государство. Ради завоевания такой поддержки они вели политику, основанную на антинемецкой солидарности народа. Антинемецкие настроения поляков после Второй Мировой войны были совершенно естественными: Германия несла ответственность за нападение на Польшу, за уничтожение 6 млн. ее жителей, в том числе 3 млн. польских евреев. Это были невинные люди, штатские, а не только военнослужащие, которые на всех фронтах сражались с врагом. Гнев и ненависть были так сильны, что новая власть охотно воспользовалась ими и поддерживала этот высокий уровень антипатии вплоть до последних дней своего существования.

О гитлеровских преступлениях надлежало говорить, тогда как на сталинские преступления было наложено табу — их словно бы не существовало.

Слово «Катынь» было запрещено. Разговоры о сталинских преступлениях сурово карались. На отношение общества к Советскому Союзу по сути распространялся своеобразный запрет публичных дебатов. Никто этим не занимался, так как все знали, что не сумеют написать правду. Поэтому не было ни дискуссий, ни каких-либо исследований.

— Положение изменилось после демократических перемен 1989 года.

— Новым связующим веществом, основой новой формулы патриотизма стала забота о вновь обретенном суверенитете польского государства. После нескольких лет, когда президент Лех Валенса объявил так называемую войну в верхах и дело дошло до раскола прежней оппозиции на различные фракции (что, впрочем, было вполне естественно, так как они представляли разные идейные, общественные и духовные течения), встал вопрос: что должно теперь стать главным мотивом воспитания нового поколения? Все политические силы соглашались на неписанный консенсус, в соответствии с которым истинный патриотизм должен опираться на правду.

История Польши обязана быть правдивой историей. Она не может находиться на услугах пропаганды и не должна служить инструментом для нужд текущей политики.

Со временем в некоторых кругах появились требования, чтобы Польша определила свою «историческую политику».

Разъясним в этом месте, что само понятие «исторической политики» было придумано в середине 80-х годов немцами. Консервативный историк Эрнст Нольте сформулировал концепцию «исторической политики», которой надлежало в сущности релятивизировать ответственность немцев и Германии за преступления Третьего Рейха.

— Каким образом ее понимал Нольте, чем ей следовало быть?

— Политика по самой своей сути — со времен Аристотеля — касается текущих дел. Политики формулируют задачи, которые решаются с мыслью о будущем. А «историческая политика» означает, что наше понимание прошлого должно формироваться современностью. Другими словами, историческая политика близка к инструментализации истории, состоящей в том, что одни факты извлечены на поверхность, а другие скрыты — в соответствии с нуждами тех, кто стоит у власти. Построение современного патриотизма на основе такого принципа по сути своей недемократично. В Польше велась дискуссия вокруг «исторической политики», но не существовало никакой группы, которая бы утверждала, что следует культивировать неприязнь к России и ее гражданам.

Вместе с тем правда такова, что раз на протяжении многих лет нельзя было сказать ни одного критического слова о Советском Союзе — образовалось то, что экономисты именуют отложенным спросом. Речь шла о спросе на правду. Начали появляться публикации, посвященные различным болезненным вопросам. Ключевым среди них была Катынь и совершённые там преступления.

— Как реагировали на это в России?

— Признание того факта, что высшее руководство Советского Союза несет личную ответственность за уничтожение свыше 20 тыс. польских офицеров-военнопленных, для многих в России оказалось шоком. Историю фальсифицировали так долго, что даже для самых высоких властей, для Михаила Горбачева и его ближайших сотрудников, раскрыть эту правду было трудно. Президент Борис Ельцин принял решение раскрыть все документы по катынскому делу, какими располагала тогда российская сторона. Многие представители российской

интеллигенции — не только ученые, но и прокуроры — решили порвать с системой лжи и раскрыть всю правду. К сожалению, в 2004 г. катынские документы вновь засекретили. Следствие прекратили. Наступил период замораживания отношений, и доступ к правде снова оказался закрытым.

— Что стало причиной этого?

— Во время одной из бесед со своим партнером, российским министром иностранных дел, я услышал: «Зачем открывать эти шкафы, полные скелетов? Если вы начнете открывать свои шкафы, то мы откроем свои, и эти скелеты нас завалят». Я в тот момент не до конца понимал, какие скелеты против Польши можно вытащить из российских шкафов. Вскоре оказалось, что речь идет о так называемой «Анти-Катыни». Было сформулировано обвинение в том, что якобы в лагерях для военнопленных поляки уничтожили десятки тысяч красноармейцев, взятых в плен во время польско-большевистской войны. Пропагандистский тезис звучал так: «Хотя, правда, Сталин и его ближайшее окружение несут ответственность за катынское преступление, но оно было своеобразным ответом на злодеяния, совершенные против русских военнопленных в Польше». История «Анти-Катыни» развивалась. Число пленных, которые погибли в Польше, росло. Первоначально их было 10 с лишним тысяч, потом говорилось уже о 50 и даже о 80 тысячах красноармейцев.

Истина такова, что в польские руки попало около 180 тыс. советских пленных — и не только русских. Среди них были украинцы, белорусы и другие народы царской империи. Часть из них — в результате болезней, эпидемий, плохих санитарно-гигиенических условий и недоедания — умерла. Однако это не было результатом плановой акции истребления. Тогда в Польше и по всей Европе свирепствовали эпидемии. Царила всеобщая нехватка продовольствия. Люди голодали. Смерть не щадила никого, в том числе и военнопленных. Однако смертность среди них была не выше, чем среди сходных множеств польского населения. Факты таковы, что историки спорят, умерло ли тогда 16 или же 18 тыс. пленных.

В 2003 и 2004 гг. я в качестве статс-секретаря МИДа, а затем министра участвовал в принятии решения о том, чтобы открыть для россиян все архивы, где имеются материалы на эту тему. Так оно и случилось. Результатом совместных исследований польских и российских ученых стал объемистый том «Красноармейцы в польском плену в 1920–1922 гг.». Хотя эту книгу опубликовали в Москве, она не дождалась презентации в России и поныне пылится на складах. Во время

одной из поездок в Москву я спросил, почему так происходит, и услышал: «Время для этого еще не созрело».

— В итоге — почему всё-таки так происходит?

— Ответ требует несколько более широкого фона — политического контекста. В Польше коммунистический режим навязали извне. Когда общество отбросило его, словно скорлупу, — было к чему возвращаться и что продолжать. В итоге мы вернулись к давним традициям свободолюбия и одновременно начали проводить в жизнь ценности и нормы, действующие в демократических странах Запада. В России с этим гораздо трудней. Вспомним, что Россия никогда не существовала в качестве национального государства. Это была империя, известная как «тюрьма народов». Система, господствовавшая в России, не была навязана извне. Она сложилась в результате большевистского переворота в 1917 г. и была частью российского исторического процесса. Эта система исчерпала себя, подошла к концу. Однако построение нового общества находится на начальной стадии развития. Российские граждане должны теперь самостоятельно принять решение, как строить современное демократическое государство. На некоторые вопросы, выяснения которых мы от России добивались (в том числе о катынском преступлении), они впервые взглянули другими глазами. Да и на собственное прошлое стали смотреть иначе. В этом состоит один из элементов выстраивания новых отношений, основанных на правде и на поисках того, что является общим, а не того, что разделяет.

— Поляки помогли в поисках нового национального самосознания.

— Это не так. Российские граждане сами находят в своем прошлом те элементы, которые важны для их будущего. Надо сказать себе правду обо всем — о том, что было плохого, что продолжает отравлять души, умы и психологию, и о том, что было хорошего. Это касается не только России. Перед такой необходимостью стояли, например, колониальные государства: Франция и Италия, Бельгия, Великобритания и Голландия, — но прежде всего Германия. Чтобы стало возможным строить демократическое государство, Германии следовало осудить нацистские преступления.

Сегодня в России вопрос номер один: как произвести модернизацию в ускоренном темпе? Она должна охватить не только экономику, но и весь политический строй и способ осуществления власти. Руководители России понимают это. Вы

спрашиваете, помогла ли Польша в этом. Отвечу так: если благодаря Польше ускорен процесс осуждения сталинской системы как преступной, то это наш скромный вклад в построение демократии внутри России и в то, чтобы у нее складывались хорошие отношения с соседями.

— А что нам надо изменить у себя с целью улучшить отношения с Россией?

— Определенная трудность в польско-русских и польско-российских отношениях состоит в следующем: и у поляков, и у русских есть такое чувство, что они — жертвы истории. Русские не до конца понимают, почему им надо признавать себя виноватыми перед нами, брать на себя ответственность за сталинские преступления, раз они сами были главными жертвами той системы, которая их поработила. Ввиду этого нам надлежит формировать собственное историческое сознание таким способом, дабы улавливать всю сложность проблемы и понимать, что русские и другие народы, населяющие Российскую Федерацию, равным образом были жертвами той же преступной системы. Когда мы это осознаем и переварим, нам станет легче договариваться.

В построении нормальных отношений с Россией нам также мешают иногда демонстрируемые нами два подхода, два комплекса — неполноценности и превосходства. Первый комплекс — результат разделов Польши и осознания того, какую мощную силу представляет собой Россия. Второй выражается в ошибочном убеждении, что мы как общество представляем более высокий уровень цивилизации и культуры. Оба эти комплекса неправомерны. Россия — самая крупная страна с точки зрения занимаемой территории, она обладает наибольшими запасами природных богатств, в том числе газа и нефти, но у нее имеются и серьезные трудности: отсталые технологии, отсутствие современной инфраструктуры, многие другие проблемы, среди которых самая серьезная — демографическая: снижающаяся численность населения. Россия стоит на перепутье и должна сделать выбор, в каком направлении двигаться. Мы можем служить ей точкой отсчета, критерием сопоставления. У нас нет никакой миссии применительно к России, но мы можем подавать пример успешных преобразований. Наш национальный доход составляет сегодня одну треть дохода России. Мы достигли этого без нефти, газа и прочего сырья. Коль скоро нам удалось такое — почему то же самое не должно получиться и у них?! Это требует, однако, глубоких внутренних перемен.

— Иными словами, нам надо излечиться от комплексов.

— Да. Но не только; время созрело до того, чтобы обе страны — на основе взаимности — не закрепляли негативных стереотипов о другой. В России было и есть много людей, которые питали и питают доброжелательное отношение к Польше. Польша занимала у российской элиты важное место в картине мира и Европы. У нас всегда были «русские друзья», о которых так прекрасно написал Мицкевич.

Современный патриотизм не может строиться на неприязни, обидах и враждебности — на том, что порождает отрицательные эмоции. Напротив, он требует понимать, что многие из несчастий, с которыми столкнулись поляки в XX в. и которые связывались у них с Россией, затронули и российское общество. Современный патриотизм основан на взаимозависимости. Он требует от соседей не только и не столько симпатии, сколько сочувствия, иначе говоря, умения вживаться в ситуацию партнера и проявлять доброжелательность при поисках решений, основанных на правде и взаимном уважении.

Беседу вел Войцех Каминский (ПАП)

ПОЛЬСКИЙ ПЕРЕКРЁСТОК

Когда ты думаешь: «Польша» — какой образ возникает в твоём сознании? Эва Сахар Хасан, родившаяся в Польше в семье шиитов, говорит: «Лес». Буддист Мартин Баранский представляет себе орла в короне. А еще польскую кавалерию и польскую саблю. Для еврейки Ани Чишевской образ родины связан с польским языком. А для Мариуша Сынака из православного прихода в Слупске образ этот связан с запахом кашубской земли. Когда они думают «Польша», то в их сознании вовсе не возникает символ креста. Значит ли это, что они не могут называться истинными поляками?

10 сентября исполняется пять месяцев с момента катастрофы самолёта ТУ 154 под Смоленском. [Статья написана до этой даты. — Ред.] Делегация «Права и справедливости» во главе с Ярославом Качинским намерена обязательно возложить венок у подножия креста, установленного перед президентским дворцом. Председатель партии не желает прийти с цветами в дворцовую часовню, он непременно желает возложить их на том месте, где установлен этот крест. Идет делегация, а за ней — к этому кресту — кто-то несет кресты, еще и еще. А с крестами — флаги. И за ними еще раздаются возгласы: «Здесь Польша! Здесь Польша!»

Первое воскресенье сентября, Ясная Гора в Ченстохове. На общепольский праздник урожая крестьяне приносят венки с вплетенными в них крестами (в одном венке целых 96 крестов). Об этом же и проповедь архиепископа Анджея Дзенги, митрополита Щецинского и Каменского. Из проповеди люди узнают, что до тех пор пока кресты, установленные на польских полях и у польских дорог, в безопасности, то и Польша находится в безопасности. Однако возникает вопрос о «безопасности польского духа и о том, умеем ли мы стоять у креста».

Ибо речь теперь уже не о том, хочет кто-либо или не хочет, а о том, умеет ли он стоять у креста и насколько хорошо он это делает.

Крест, вера, поляк-католик — эти темы возникли вовсе не в связи с последним праздником урожая и даже не в связи с тем, что происходит на Краковском Предместье. Спор по поводу креста и того, кому более дорог крест, а значит, и Польша, —

этот спор идет у нас издавна. Крест используется постоянно. Когда в прошлом году Европейский суд по правам человека констатировал, что этот символ, висящий на стене в школьном классе, нарушает религиозную свободу учащихся (в суд пожаловалась итальянская гражданка родом из Финляндии), в Польше шум был даже больше, чем в Италии. Депутаты краковского сеймика проголосовали за резолюцию, требующую от Европарламента признать крест символом Евросоюза, охраняемым законом. От епископов мы слышали, что для нашей веры настал час испытания. А от приходских священников — что следует оказывать давление на власти; ящик электронной почты министерства просвещения был заполнен до отказа тремя с лишним тысячами писем одинакового содержания, написанных по единому образцу: «Я верю, что вы хорошо осознаёте желание большинства родителей и учащихся, чтобы во всех школах крест занимал надлежащее место». Верующие отсылали эти письма автоматически, несмотря на просьбу приходских священников хотя бы немного разнообразить электронные послания, чтобы они больше походили на те, которые пишутся «от души».

Профессор Збигнев Миколейко, философ и религиовед, отмечает, что крест у нас уже перестал быть символом, теперь он становится только знаком. Наличие его везде и всюду вредит ему.

Происходит инфляция креста. А имеется ли у нас что-то взамен?

— Даже белый орел, единый для нас и, казалось бы, самый мощный символ Речи Посполитой, всё же не имеет соответствующей силы, — отмечает профессор.

Цитируют не задумываясь

Когда в прошлом году социологи из варшавского Университета имени кардинала Стефана Вышинского спрашивали у поляков, с чем у них ассоциируется Польша, то в ответ они чаще всего слышали: «родина», «место, где я родился». Часто звучали и такие ответы, как: «литература, искусство», «движение “Солидарности”». А немного раньше, когда Центр гражданского просвещения, проводя опрос, попросил вписать всё, что сразу приходит на ум при слове «Польша», то в анкетах фигурировали березы, плакучие ивы, белое и красное, сборная по футболу, даже спортсмен-чемпион Адам Малыш. Крест вообще не упоминался. Из ассоциаций на вполне конкретную букву «к» возникали лишь *krajobraz* (пейзаж), *korupcja* (коррупция), *kraj wolny* (свободная страна), *kraj piękny*

(прекрасная страна) и страна, которая когда-нибудь всех поразит.

Получается, что начиная с какого-то времени мы уже можем представлять себе иную Польшу, не только с крестами. И все-таки мы постоянно слышим, что «только с крестом, только под этим знаком Польша — это Польша, а поляк — это поляк». Цитируют Мицкевича, не задумываясь, забывая о том, что с тех пор, как жил поэт-пророк, многое изменилось. Мы живем не в разделенной Польше, у нас свобода и демократия. Хотя последняя явно не стремится вникать в сферу символов.

— Что делает мое государство, пытаюсь покончить с конфликтом из-за креста на Краковском Предместье? — задает вопрос Мариуш Гавлик, атеист, председатель Фонда свободной общественной мысли. И тут же сам себе отвечает: — Укрепляет на стене президентского дворца мемориальную доску, разумеется с крестом. В общественном пространстве уже не найти места, где бы не было этого знака.

— Нужна ли действительно верующим людям подобного рода опора? — это приводит в недоумение Эву Сахар Хасан. Она родилась в Польше и хотя происходит из шиитской семьи, в которой праздновали Рамадан, а не Рождество, тем не менее очень любила вести дискуссии с законоучителем в своем люблинском лицее и прекрасно понимает, насколько значителен для католика крест.

Однако то, что он становится символом, вокруг которого ведутся бесконечные дебаты, огорчает даже тех, для кого этот символ чрезвычайно важен.

Священников не слушают

— Для меня крест — это святое, это символ мученичества и самой жестокой смерти через изнурение, — говорит Мартин Мацкевич, музыкант, исполняющий хард-рок, и протестант в третьем поколении (жена его была католичкой, но в подростковом возрасте перешла в протестантство). — Я бы не осмелился носить крест на шее или устанавливать его где бы то ни было, — поясняет Мацкевич. — Когда я смотрю на то, что происходит перед президентским дворцом, то у меня возникает ощущение, что я наблюдаю за цирковым представлением через дыру в заборе.

Ему кажется, что если бы Иисус Христос тоже хоть на минуту взглянул на то, что происходит на Краковском Предместье, то схватился бы за голову.

— И, верно, разогнал бы всю эту компанию, — предполагает Мацкевич. — И ведь никто из них там не вознес молитвы за чистую совесть и светлый разум. В такой важный момент в нашей благочестивой католической стране не прозвучала молитва.

Многие также задавались вопросом, почему в августе, когда начала разгораться эта борьба из-за креста, ни один из его защитников не прислушался к мнению представителей Церкви. А ведь достаточно было бы обратиться к опросам ЦИОМа, проведенным в июле текущего года, в ходе которых задавался вопрос, насколько важно для нас то, что говорят священники. Оказалось, что с каждым годом их слова значат всё меньше. Каждый пятый поляк вообще не воспринимает всерьез то, что слышит от духовных лиц. Для нас их мнение уже не столь важно, как когда-то. Всё реже мы приходим на исповедь и всё реже участвуем в богослужениях Страстной пятницы. Как утверждает ЦИОМ, по результатам опросов пока сложно сказать, обозначился ли уже отход от католической Церкви, но будущие тенденции уже просматриваются. Каждый десятый поляк из старшеклассников и студентов открыто заявляет, что он неверующий. А среди тех, кто верит, большинство даже не молится.

А может, они отправляют молитву в храмах иной Церкви, а не той, что доминирует в Польше?

Главное статистическое управление пока не может предоставить точных данных, касающихся вероисповедания. Тема эта — слишком деликатная, зачастую даже интимная, а значит, чрезвычайно трудная для статистики. Последний раз поляков об этом спрашивали в 1931 году. Может быть, всеобщая перепись, которая будет проводиться в будущем году, даст сведения на тему вероисповедания. Во всяком случае, этот вопрос будут задавать в каждом четвертом доме на основании случайной выборки.

Вероисповедание исключает стояние у креста

Воскресенье, солнце припекает, а Павел и Матеуш в белых, застегнутых до верхней пуговицы рубашках, в темных костюмах бредут по песчаным дорогам через лежащие на их пути деревни под Быдгощем. Они несут Слово Божье. А имя Бога — Иегова. Большинство жителей этих деревень, скорее всего, их вообще не пустит на порог. Но несмотря на это им следует неустанно стучаться во все дома. «Может быть, пани, вы нас выслушаете? — Выслушаю». Мы садимся на террасе, Павел и Матеуш толкуют о том, что не надо обвинять всех вокруг за то,

что творится в стране. Что без конца происходят катастрофы, что всюду нищета, что возник конфликт из-за креста. Надо начинать работать над собой. Достают Священное Писание. Урок на сегодня: «Жизнь имеет свой смысл, но как его найти?»

Их родители — Свидетели Иеговы, Павел и Матеуш с рождения воспитывались в этой вере. Труднее всего им приходилось в начальной школе.

— По дороге в школу мы проезжали мимо костела, все дети в автобусе снимали шапки. А я не снимал, — вспоминает Павел.

Разумеется, у них не было и первого причастия, они никогда не приглашали товарищей на день рождения и именины, потому что Свидетели Иеговы этих праздников не признают. И не принимают подарков на Рождество, в доме Свидетелей Иеговы эта дата — как, впрочем, и никакие другие — не отмечается. Матеуш младше Павла, он еще учится в техникуме. И там он сталкивается с проблемой такого рода: когда отмечаются какие-то школьные торжества, он должен в них участвовать.

— Я, — говорит он, — объясняю классной руководительнице, что моя вера этого не признаёт и не позволяет мне стоять под знаменем или у креста. Учительница же утверждает, что она всё это понимает, — но отправляет меня к директрисе. А та объясняет, что всё же школа есть школа, праздник есть праздник, и нет у меня никакого выхода, я должен присутствовать. Приходится идти. Я присутствую физически, но духовно как бы отключаюсь.

С подобными проблемами — что свою веру необходимо приспособлять к польским обычаям и даже к действующему в Польше рабочему календарю (установленному в соответствии с католическими праздниками) — сталкиваются и представители других конфессий. Как те, кого с большинством поляков объединяет в качестве символа крест, так и те, кто использует совершенно иную символику.

Пробелы в календаре

— У каждого есть право на свободу слова и вероисповедания, не так ли? — напоминает Аня Чишевская. Она полька. И при этом еврейка. У нее остались неприятные воспоминания об учебе в Варшавском университете, где она занималась проблемой возрождения общественно-культурных традиций. — Преподаватель не согласился отпустить меня с занятий в праздник Песах, установленный в память об исходе евреев из Египта. У нас это празднование приходится на католический

Страстной четверг, все собираются за столом на торжественную трапезу, приготовление которой требует немало времени. Я пришла на занятия, раз мне не разрешили отсутствовать в этот день, но сознательно устроила из этого хэппенинг. Я села за первую парту, празднично одетая, с огромной золотой звездой Давида на груди.

В этот день она не произнесла ни слова, не принимая, таким образом, участия в занятиях.

— Подобные инциденты надолго оставляют в памяти неприятный осадок. Но ведь без них можно было бы обойтись, — говорит Аня.

У протестантов особенно большими праздниками считаются Страстной четверг и Страстная пятница.

— Эти дни должны быть выходными, — объясняет Мартин Мацкевич. — Можно договориться с предпринимателем, но потом зачастую эти дни приходится отрабатывать.

Адвентистам, например, каждая суббота нужна как выходной день — это самый важный день почитания Бога (субботний отдых — это и шаббат в еврейских семьях).

— Не в каждой фирме руководство понимает, что у людей могут быть сложности, — говорит Анджей Шитув. Поэтому, чтобы не иметь проблем из-за того, что он принадлежит к адвентистам Седьмого дня, Анджей сам себе стал начальником. Он занимается строительным бизнесом, но крупных заказов не берет — хотя там и можно было бы заработать большие деньги, но он от этого отказывается, ибо тогда человек был бы вынужден пренебречь своей верой и работать в тот день, в который работать не положено.

Таких дней у представителей различных конфессий довольно много, их нелегко учесть, ибо они не обозначены в издаваемых календарях. Возьмем хотя бы сентябрь. 9 сентября начался Новый год у евреев (в течение двух дней они праздновали Рош Ха-Шана и радовались, что счастливо дожили до 5771 года), 18 сентября будет Йом-Кипур, Судный день. Для мусульман Новый год (1431-й хиджры) наступит 7 декабря. Но и сентябрь для них месяц очень праздничный — закончился Рамадан, так что с 10 сентября можно радостно начинать праздновать в течение трех дней Рамадан-Байрам. В середине ноября будет День Арафа, и сразу после него Курбан-Байрам, самый важный праздник, который длится четыре дня в память о жертве Авраама.

— Меньшинствам необходимо иметь внутреннее смирение, — объясняет православный священник Мариуш Сынак. Прежде чем он стал дьяконом, а затем был возведен в священнический сан и стал принадлежать к православному меньшинству, он успел поработать стоматологом и более 20 лет принадлежал к римско-католическому большинству. Он был крещен и воспитывался в том же духе, что и почти 90% поляков. Он успел испытать на своем опыте, как легко праздновать тогда, когда празднует вся страна. Теперь же он видит, насколько сложнее это делать в другие сроки. — Так уж устроено в жизни, что меньшинству приходится труднее, — говорит он спокойно (в православной Церкви не может быть спешки, суматохи, там предпочитают неспешное погружение в самую глубь славянства, вот и в характере священника Сынака нет никакой нервозности). Церковь восточного обряда, живущая по юлианскому календарю, отмечает праздники на 13 дней позже, чем западная Церковь. Например, празднование Рождества Христова начинается после полуночи с 6 на 7 января. Впрочем, святки продолжаются не два дня, а 11 — в это время навещают соседей, знакомых, родственников.

По разным оценкам, православных в Польше насчитывается от 550 до 700 тыс. человек. Эта конфессия по численности верующих занимает второе место после римско-католической. Несмотря на это, на протяжении вот уже многих лет не удается решить проблему: что надо сделать, чтобы верующие этой конфессии в период своих праздников имели хотя бы один выходной день. Даже там, где православных особенно много — в Белостоке, Хайнувке, Бельске-Подляском, Наревке, Семятычах, — учащиеся не могут рассчитывать на привилегии, которыми пользуются их ровесники, верующие римско-католической Церкви. Если же им и предоставляются выходные дни на их праздники, то они должны позже эти дни отработать. Только на таких условиях в минувшее православное Рождество на Подлясье учащиеся получили по одному или два дня выходных в 49 школах. В министерстве просвещения готовится проект, в соответствии с которым учащиеся смогут отмечать свои праздники, не беспокоясь о том, что им надо будет позднее отработать пропущенные уроки. Такие изменения, впрочем, уже не раз были обещаны. Последний раз такие обещания прозвучали два года тому назад.

Волна выносит наверх лидеров

В буддизме нет праздников, для которых требуются выходные дни, поэтому буддисту Мартину Баранскому, который работает в фирме, обслуживающей сферу телекоммуникации, не надо

просить предпринимателя о предоставлении ему отпуска. Женатый на буддистке, бездетный, он отказался от католичества в возрасте 22 лет. С тех пор он не придает значения обрядам. Процедура принятия Прибежища, то есть ритуал вступления в школу буддизма, весьма скромна. Как и буддийское благословение молодых пар на супружеский союз.

— То, в чем нельзя отказать многим из Церквей, прежде всего католической, так это великолепие внутреннего убранства, — говорит Мацкевич. Община баптистов, к которой он принадлежит, арендует зал у автошколы, так что там нет такой красоты, как в костеле. — Но нам важно не то, чтобы место было красивым, — поясняет он, — важно, чтобы существовала сама община.

Таких общин — менее и более крупных — в Польше уже более 350. По последним данным ГСУ, в Польше действует 172 национальных и этнических объединения, у нас насчитывается 179 церквей и конфессиональных союзов. Ежегодно возникают примерно два новых религиозных движения. Они имеют свои общины, молитвенные дома, иногда даже гербы — и в них отнюдь не всегда присутствует крест.

Как для каждого католика в Польше самое святое место — это Ясная гора в Ченстохове, так для православных святая гора — это Грабарка близ Семятычей. У польских мусульман тоже есть чтимые места — это Бохоники и Крушиняны (там сохранились две последние на польских землях старинные мечети и кладбища-мизары).

Впрочем, когда в марте текущего года ЦИОМ просил поляков назвать важные для них места, те, которые представляют для них особую гордость и которые хотелось бы показывать, например, гостям из-за границы, то на первом месте оказалась вовсе не Ченстохова. Выяснилось, что на первом месте стоит Краков. За ним идет столица. А что же потом? А потом Мазуры, горы.

— Польша вовсе не должна ассоциироваться исключительно с Ченстоховой и крестом, — говорит Аня Чишевская. Она работает в департаменте образования еврейской общины и в Фонде еврейского агентства «Сохнут». Ее семья может служить доказательством того, что если есть желание, то и примирение возможно: мама Ани — еврейка, а отец — католик. — Объединять культуры, католические символы и праздники с еврейскими — дело довольно нелегкое, — признается она. — Но если не отдавать предпочтения какому-то одному вероисповеданию, то их можно примирить.

Кшиштоф Чижевский, создавший в Сейнах центр «Пограничье — Искусств, Культур, Народов», ни о чем другом так не заботится, как о примирении. Сейны — это шеститысячный город, расположенный близ границы с Литвой, Белоруссией и Россией. В городе есть и доминиканская базилика, и синагога, и евангелическая кирха. В этом городе живут поляки, литовцы, русские старообрядцы. А прежде здесь жили и белорусы, евреи, немцы, татары, цыгане. К сожалению, как отмечает Чижевский, в сегодняшней Польше происходят попытки возродить эндецкую, националистическую матрицу.

— Опять делаются попытки всё свести к «своим», к «истинным» полякам, к кресту и национально-католическому вероисповеданию. Однако следует помнить, что всякое действие вызывает противодействие, а значит, — что также отмечает Чижевский, — среди самих меньшинств тоже существуют подобные матрицы.

Существуют круги, которые только и ждут пробуждения, ждут той волны, которая вынесет наверх радикальных лидеров, которые подпитываются конфронтацией и которые будут представлять собой зеркальное отражение тех, кто находится по другую сторону.

Шиитка тоскует по Польше

— Бесплезное дело искать один общий символ для всех поляков, — говорит профессор Миколейко. И трудно постоянно жить мифом о том, что поляк — это католик.

Однако пока этот миф никто не трогает. Вообще-то на самом деле можно никакой связи не ощущать с католичеством и крестом, но при этом чувствовать свою глубокую связь с Польшей.

— Уехать отсюда? Никогда в жизни, — качает головой Эва Сахар Хасан. Семь лет она не была в Польше. Достаточно. Родилась Эва здесь, но умереть ей надлежало в Ираке. Отец не позволил ей даже дожидаться аттестата зрелости. Когда ей было 17 лет, он обманным путем увез ее к родственникам в Карбали. Временный иракский паспорт закончился через два месяца. Других документов у нее не было, так как отец и не думал хлопотать о польском гражданстве для своей дочери. Она оказалась лицом без гражданства. Никем. Именно там она ощущала себя не на своем месте. Выходить из дома можно было только в сопровождении мужчины, не забывая, разумеется, о платке и абай, длинном черном платье-хитоне. Он был чудовищно тяжелым. Эва, невысокая, худенькая, часто

наступала на полы этой одежды, падала. — Как я хотела вернуться в Польшу, — вспоминает она теперь. Больше всего такое настроение посещало ее в праздники. В Польше она узнала, что такое Рождество, бывала в Сочельник у знакомых. Свой первый иракский Сочельник она провела в одиночестве, на чердаке. Ходила по кругу и пела. — Напевала отрывки из колядок, которые помнила по услышанному в польской школе, колыбельные, которые слышала в детстве, польский гимн, — рассказывает Эва. Иракские кузены были уверены, что она помешалась. Эва разговаривала сама с собой на непонятном для них языке. Если бы в Ираке не началась война и если бы Польша не отправила в Карбали своих солдат, Эва застряла бы в этом чужом для нее мире навсегда. Однако она попала в качестве переводчика на польскую базу, там ей оформили документы. Теперь у нее польское гражданство. Зато нет семьи. Отец порвал с ней всякую связь. Мать тоже не отзывается. — Трудно, — говорит Эва. Но она справляется — работает и учится. После возвращения ей пришлось заново начинать учебу в лицее, в этом году она сдает экзамены на аттестат зрелости и заканчивает лицей. Для экзамена по польскому языку она выбрала характеристику Кмитица из «Потопа», сдала на сто процентов. Будет изучать международные отношения в Познанском университете.

Когда она думает: «Польша», — тут же просится на язык продолжение: «отечество мое». Польша для нее — это отвага Кмитица. А еще зелень, которой ей не хватало в Ираке.

— Мое место здесь, — говорит она. — А с тем другим меня ничто не связывает. Кроме семьи.

Символы ухудшают настроение

Помогает ли полякам присутствие креста везде и всюду? А может быть, вредит? Нам не удалось найти проводимых в Польше опросов, которые давали бы ответы на эти вопросы. Но любопытные исследования провела в Канаде группа Майкла Шмитта и Стивена Райта из университета Симона Фрезера. Их интересовало, какое влияние оказывают религиозные символы на людей, которые никак не связаны с данной религией (результаты исследования опубликованы в авторитетном «Journal of Experimental Social Psychology»). Итак, зимой, когда приближалось Рождество и во многих местах появлялись соответствующие украшения, ученые обследовали настроения канадских христиан, атеистов и приверженцев иных религий. Часть опрошенных заполняла анкеты в помещении, где находились христианские символы, а часть — там, где никаких символов не было. Хотя все согласно заявляли, что

символы им не мешают, однако там, где они были, оказалось, что они вредят. И происходит это в подсознании. У неверующих или принадлежащих к иной религии настроение ухудшилось, понизилась самооценка, появилось ощущение своей непричастности. Любопытно, что такое же ощущение было у тех, кто декларировал, что они христиане, но не практикующие.

Когда в марте ЦИОМ исследовал, чем гордятся поляки, оказалось, что принадлежность к католической Церкви наполняет гордостью не большинство поляков, а всего лишь каждого четвертого. Гораздо больше мы гордимся своим гостеприимством, польской кухней, своим патриотизмом. А от чего нам становится стыдно, когда мы думаем: «Польша»? Нам стыдно из-за споров. Даже больше, чем из-за хулиганства или пьянства. Мучают также ксенофобия, расизм, антисемитизм, неприязнь к меньшинствам.

Мы отдаем себе отчет в том, что заявлять в адрес меньшинств: «Вы здесь не у себя дома», — непорядочно. Однако такие сигналы раздаются. Директор центра «Пограничье» в Сейнах, который хорошо знает среду меньшинств, утверждает, что не только меньшинства, но и все мы должны опасаться вируса нетерпимости.

— Я не хочу стать победителем с чьей бы то ни было стороны в польско-польской войне или же в войне «наших» с «чужими», — заявляет Кшиштоф Чижевский. — Я хочу сближения, хочу иметь друзей и на том и на этом берегу.

Что могло бы успешно объединить эти берега? Какой образ возникает в сознании, если перестать постоянно держать в голове слова «крест», «война»?

— Язык, — уверяет Аня Чишевская. — Он же общий. Для меня это первый из языков, на нем я легко выражаю эмоции.

— Варшава, — подчеркивает Мариуш Гавлик, — ведь это не только столица, здесь масса чего происходит. То, что здесь случится, распространяется дальше по стране.

— Конституция, — подсказывает Мартин Баранский, — ведь у нас хорошая конституция, с давней традицией, которая гарантирует свободу совести и вероисповедания.

Простите, а есть ли тут Бог?

В Польше становится всё больше и больше крестов, но, как показывают опросы, всё меньше становится веры. Еще в мае

прошлого года 53% поляков заявляли: «Я — верующий и руководствуюсь учением Церкви». В текущем году так заявили уже лишь 45 из ста опрошенных. Хотя подавляющее большинство из нас по-прежнему считает себя католиками, только 13% определяют свою веру как очень глубокую. Даже праздникам мы уже не придаем такого значения, как прежде. Пасха стала больше семейным торжеством, чем религиозным. Почти половина опрошенных признала, что отмечает праздники, ибо такова традиция. У 13% поляков это всего лишь приятное время, свободное от работы. У 5% это даже выливается в проблему. Всё меньше людей в нашей стране регулярно молится (даже безработные не находят для этого времени). Реже мы ходим в костел. А те, кто регулярно ходит в храм, не уверены, что найдут там Бога (25% в этом сомневаются!). Только каждая третья полька с полной уверенностью может сказать, что вера придает смысл ее жизни. А у поляков со смыслом дело обстоит еще хуже — находит его каждый четвертый.

Когда спрашивают об авторитетах, об именах, имеющих важное значение в Польше, то на первом месте по-прежнему Иоанн Павел II, но потом долго-долго нет никого, кто ассоциировался бы с Церковью. На духовных лиц (из ныне живущих) указывают реже, чем на политиков периода ПНР.

ТРАВЛЕННЫЙ ВОЛК

Главный редактор «Газеты выборчей» об идейной исчерпанности, о том, что не верит в шансы модернистов из «Права и справедливости» и что Антоний Мацеревич достоин ордена Белого Орла

— Когда вы получили «Белого Орла», из капитула ордена вышли Анджей Гвязда, Богуслав Низенский и Ян Ольшевский. Это какой-то знак?

— Когда ранее этот орден получил Анджей Гвязда, я выразил радость на страницах «Газеты». Потому что считаю, что он заслужил «Белого Орла» тем, что сделал во время забастовки в 1980 году. Понимаю, что я, по его мнению, не заслужил. Это меня особо не удивляет. Я знаю, что ко мне относятся по-разному.

— А других вы понимаете?

— Стараюсь. Я читаю то, что пишут люди из этой среды.

— И удалось ли вычитать ответ на вопрос, почему они считают, что даже в символической сфере мы уже не можем находиться рядом?

— Всё довольно прозрачно. Один автор писал, например, недавно, что в ПНР была широкая оппозиция и это позволило госбезопасности в нее внедриться. Внедренные создали «конструктивную оппозицию».

— Это вы?

— В том числе. Они считают, что мы отстраняли деятелей с установкой на независимость, настроенных антикоммунистически, а затем мы были кооптированы во власть, чтобы создать ПНР 2.

— То есть «круглый стол».

— Совершенно верно. Но это имеет дальнейшие следствия, поскольку в рамках такого видения и через 20 лет всё остается по-прежнему. Несмотря на правление Ольшевского и Качинского. А «президент независимой Речи Посполитой

своим стратегическим советником приглашает последнего премьер-министра ПНР».

— Это Тадеуш Мазовецкий, советник Коморовского.

— А вдобавок «премьером становится деляга из второго эшелона, который к польскости имеет лишь то отношение, что она ему мешает».

— Туск?

— А кто же? И еще: «Польшей по-прежнему руководит коалиция посткоммунистов и конструктивной оппозиции от Ярузельского». Почему? Потому что «конструктивные» поняли «невозможность взобраться на вершины ПНР 2 без того, чтобы продать душу дьяволу ВСИ^[1] (...). Отряды кавалеристов оппозиции 1970-х считают, что Польша была, есть и всегда будет российско-германским кондоминиумом».

— Тот, кто так думает, конечно, не может оставаться в капитуле ордена, которым награждается «конструктивный». Они действительно так думают или только так пишут?

— Я уверен: пишут то, что думают. А другой публицист из того же лагеря пишет, что нет никакой польско-польской войны, а есть польско-постсоветская война. «Постсоветский истеблишмент борется за сохранение монопольных позиций, возможных только в фасадной демократии и олигархической системе, основанной на коммунистической госбезопасности и российских гарантиях. Отсюда защита интересов России, как собственных, и всеохватное вранье».

— Полный улёт!

— Но это еще не все. Поскольку «„польские советские” стали, увы, постоянным элементом (...), мы не отказываем им в праве на существование и защиту интересов Узбекистана, но под собственным именем — как постсоветский лагерь и русская партия». Более того, необходимым становится компромисс «с постсоветской русской партией».

— То есть с вами.

— И с вами. Автор формулирует условие этого компромисса. Мы должны «отказаться от защиты российских интересов и российского протектората в пользу защиты интересов Речи Посполитой», а также «отказаться от монополии власти».

— Вы к этому всерьез относитесь?

— В полной мере. Это компонуется с утверждением лидера данного лагеря, что премьер Туск и президент Коморовский должны исчезнуть с политической сцены.

— Они тоже из советской партии?

— Они — прежде всего. Ведь они правят... При такой картине действительности трудно ожидать не только вежливости, но и реального компромисса. Как невозможен был компромисс между демократической оппозицией и властью в ПНР. Ибо то, что для тогдашней власти было максимально возможным компромиссом, мы считали в лучшем случае исходным пунктом для переговоров о реформах. Сейчас расхождение снова стопроцентное, как тогда. Как должен выглядеть компромисс или хотя бы диалог с людьми, которые утверждают, что вторая сторона — это советские агенты?

— В ПНР выход был найден.

— Был такой анекдот из серии об армянском радио. «Нас спрашивают, есть ли выход из безвыходной ситуации. Мы не можем ответить, потому что у нас нет экспертов по польским делам».

— Но вы-то специалист по польским делам.

— И вижу, что на президентских выборах Ярослав Качинский собрал 47% голосов. Возможно, он выступал в смягченном варианте, но это был тот же самый Ярослав Качинский. А это значит, что почти половина поляков ожидает такого дискурса или приемлет его.

— А выход есть?

— Есть шансы. Во-первых, когда ПиС вернулся к жесткой риторике, его поддержка снизилась. Многие принимали жесткую риторику, пока имели надежду на коалицию «Гражданской платформы» и «Права и справедливости». Эти люди сейчас от ПиС отходят.

— Павел Понцилиуш называет себя сиротой альянса ГП и ПиС.

— Многие люди так о себе думают. На волне аферы Рывина и других скандалов, по отношению к которым руководство Союза демократических левых сил проявило редкую терпимость, сформировался благоприятный климат для радикализма и лозунгов типа «моральной революции».

— **Может быть, со временем Кшиштоф Вышковский и Ярослав Качинский изменят мнение?**

— Читая «Жечпосполиту», я вижу высказывания людей, которые были апологетами, а сегодня уточняют свою позицию. Не думаю, что апологеты Четвертой Речи Посполитой стали сторонниками Третьей Речи Посполитой. Но они иначе думают о современной Польше. Это надо видеть. И надо с ними говорить. Не только в газетах. Надо «идти в Польшу» и встречаться с людьми, которые голосовали за Пис и Качинского.

— **А вы пойдете в Польшу?**

— Уже хожу, когда меня приглашают.

— **Приходят приверженцы тезиса о польско-постсоветской войне?**

— Приходят. Есть масса потерявшихся людей.

— **А что вы им отвечаете, когда они говорят, что вы советский агент?**

— Говорю, что я не агент. Что нет, как написал главный редактор «Жечпосполитой», оснований, чтобы в смоленской катастрофе увидеть запланированный заговор. Что Польша не является российско-германским кондоминиумом.

— **А перед этим вы принимаете успокоительное?**

— Я стараюсь понять этих людей. Это разговоры не из простых. Труднее всего полемизировать с теми, кто верит в НЛО. Но надо разговаривать. Это не первый пример большого политического лагеря, который свою идентичность строил на полностью ложных предпосылках. Равно абсурдным было убеждение довоенных национал-демократов, что если из Польши выгнать всех евреев, то наши проблемы исчезнут. Уверенность санации, что если запереть всю оппозицию в Бресте, то будут преодолены политические разногласия, тоже была абсурдной. В ПНР много людей верило, что эта система будет стоять сто лет. А потом они изменили мнение. Как и сегодня многие из числа правых. Очень важно протянуть руку тем, кто меняет мнение.

— **Если новый хозяин уволит из «Жечпосполитой» Павла Лисицкого, для него найдется место в «Газете wyborчей»?**

— Найдется. Надо ценить людей, способных изменить взгляды, когда они убеждаются, что действительность этим взглядам не

отвечает. Со мной тоже так случилось. Если бы мне кто-то в 1986 г. сказал, что я буду защищать прокапиталистическую политику Бальцеровича, я бы не поверил. А несколько лет назад не поверил бы, что Ян Кшиштоф Белецкий может вступить в принципиальный спор с Лешком Бальцеровичем. Очень важно, чтобы люди, меняющие взгляды, могли найти себе новые места. И я уверен, что нынешняя власть будет стараться оппозицию приручать. Не будет стремиться ее изничтожить. Ослабление оппозиции и открытость властей будут способствовать охлаждению эмоций. Конфликт будет переходить в спор. Было бы очень плохо, если бы в лагере власти верх взяла тенденция к реваншу.

— Ян Поспешальский должен остаться?

— Должен остаться на телевидении. Не знаю, на государственном ли. Но не должен быть исключен, не должен исчезнуть. Разве что он перестанет быть интересен зрителям.

— А Мацеревич должен получить орден Белого Орла за заслуги времен КОР, как того хочет Томаш Волек?

— Если так, то и каждый здравствующий член КОР. Антек заслужил уважение за помощь для Радома и Урсуса. Хотя за то, что он вытворяет в свободной Польше, никакой благодарности от Речи Посполитой ему не положено. Потому что это было опасно.

— Было?

— Всё в большей мере «было». Время здесь имеет значение в том смысле, что происходит смена поколений. Для людей, которые достигли совершеннолетия 20 лет назад, стиль мышления ПиС анахроничен.

— Но это они 11 ноября шли в марше националистов, и это они блокировали антифашистов.

— Радикалы будут всегда. Дело в том, чтобы они не доминировали.

— От чего это зависит?

— В Польше в очень большой степени от католической Церкви, которую, как говорит епископ Перонек, ПиС в значительной мере зачадил. Поддержка Церкви — это главный капитал ПиС.

— В стране, где свыше 80% составляют католики, ПиС имеет каких-то 20% поддержки.

— Это значит, что каждый пятый поляк заражен риторикой радио «Мария», которую приемлют, а иногда и усиливают епископы. Тон сегодня задает радио «Мария».

— Как может задавать тон радио, которое слушает несколько процентов общества?

— Несколько процентов общества и значительно больший процент духовенства. Что духовенство услышит по радио «Мария», то и передает дальше. И тянет нас назад, к эпохе, когда Церковь была идеологизирована тоталитарной национал-демократией и Национально-радикальным лагерем.

— Как я представляю, ваш сценарий будущего в принципе оптимистичен. Он предполагает, что...

— ...Церковь будет меняться, а ПиС ослабевать.

— Если власть воздержится от реванша.

— А где другой выход, если стремиться ослабить поляризацию и снизить уровень политической напряженности? Но это не исключительно польская проблема. То, что объединяет эмоции ПиС с эмоциями ее аналогов в других странах, — это страх перед изменениями, страх перед миром, перед модернизацией.

— Это аффект джихада в столкновении с McWorld'ом, о чем писал Барбер?

— Да. И это для сил джихада безнадежная борьба. Прогресс нельзя задержать. Но неизвестно, не может ли джихад его полностью деформировать. А сейчас видно, что пробуждаются разные общественные силы, будущего значения которых мы не знаем. Возьмем столкновение у креста. На призыв молодого человека несколько тысяч пришло, чтобы протестовать против того, что делали «защитники креста». Ничего подобного в течение нашего 20-летия не было. Я в этом увидел пробуждение гражданского общества. Но для многих людей, связанных с Церковью, это было варварство, безумный антиклерикализм, бесовство. Надо попробовать понять этих людей.

— Здесь есть место для менее оптимистичного сценария, когда сталкиваются пробужденные общественные энергии — защитники креста и их противники...

— Это тоже не специфически польское. Такие столкновения мы видим повсюду. На Украине, в Венгрии, в Румынии.

— В Испании, ЮАР... У всех стран, которые прошли трансформации третьей волны демократизации, в последнее время серьезные внутренние проблемы.

— Романтическая фаза трансформации окончилась. Исчерпались великие национальные цели. В Польше за ними стояли четыре великих идеи. Независимой Польши — освобождение от Красной Армии и российского доминирования. Демократической Польши — плюрализм, парламент, честные выборы. Открытой Польши — свобода выезда, отмена цензуры. Безопасной Польши — НАТО и Евросоюз. Великие цели достигнуты. Сейчас нужно людям предложить такой способ мышления о Польше, в котором они увидят собственные интересы. Вопрос №1 таков: в состоянии ли мы выработать такое предложение?

— В состоянии?

— Пока что-то не видно.

— Есть ли шансы у Иоанны Ключик-Ростковской и бывших сотрудников Леха Качинского создать цивилизованную консервативную партию и вытеснить ПиС?

— Это никогда не удавалось и сейчас едва ли удастся. Как, скорее всего, не осуществится замысел Януша Паликота. Ярослав Качинский возрождался и после худших кризисов. У него всё еще есть потенциал.

— На это сейчас меньше спрос. В Польше оканчивается второй политический цикл. Первый, или смена системы, продолжался с 1989 г. до аферы Рывина. Второй, или попытка перераспределения власти, пожалуй, исчерпывается. Что сейчас?

— Трудно предугадать перспективу. Перед смоленской катастрофой казалось, что Лех Качинский драматически проиграет и наступит конец ПиС. А потом возникла новая динамика, которой никто не предвидел. Сейчас кажется, что началась деклерикализация.

Я радикальной деклерикализации боюсь. В Польше нет светской гражданской религиозности, как во Франции, Испании или Италии. Если у нас Церковь ослабнет, останется нигилизм. Но я считаю, что Церковь изменится. Научится разговаривать с новой эпохой. Такой потенциал там есть.

— В вас большой заряд оптимизма.

— Потому что тенденция оптимистична. Четыре года назад нам грозил авторитаризм в путинском стиле. А потом Пис проиграл парламентские выборы, проиграл президентские, проиграл местные. С кризисом мы справились лучше, чем наши соседи. Оправились после смоленской катастрофы. У нас правительство, проводящее разумную политику и имеющее солидную поддержку. Разве это не основание для оптимизма?

— **А какие существуют угрозы?**

— Одну показала игорная афера. Безотносительно к тому, был ли там состав преступления в юридическом смысле, сам факт, что ведущие политики правящей партии позволяют так с собой разговаривать дельцам от игрового бизнеса, — факт компрометирующий. Вторая опасность — это отсутствие реальной перспективы для тех, кто себя в Польше плохо чувствует. Если этих людей с их привычным чувством безнадежности предоставить самим себе, это будет горючее для экстремизма. В третьих, перед нами стоит вопрос, сумеем ли мы разумно вести себя в Евросоюзе и в НАТО. Я был сторонником участия в иракской войне. Сегодня я был бы осторожнее. Не то чтобы я защищаю Хусейна. А потому, что люди в Польше имеют право перевести дух после всех реформ и пертурбаций. В-четвертых, надо задуматься, можем ли мы предложить что-то привлекательное молодежи. Нужен замысел, который убедительно покажет, что Польша очень даже «секси».

— **И как это должно выглядеть?**

— Надо слушать это поколение. Оно имеет право на свои собственные мечты. Меня часто раздражают молодые люди из «Критики политической». Но они чего-то хотят. Хватит их баюкать в колыбельках. Им надо что-то предложить. Такой замысел должен появиться.

— **Опять этот оптимизм.**

— Это оптимизм травленого волка. Мы пережили фундаментальный трансформационный кризис. И сейчас у нас проблемы. И угрозы. Как у всех. И, наверное, как всегда. Разве это не повод для оптимизма?

Беседу вел Яцек Жаковский

разведки и контрразведки министерства национальной
обороны Польши в 1991-2006 гг. — *Пер.*

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- После выборов в органы местного самоуправления «Гражданская платформа» (ГП) обрела всю полноту власти. У нее свой президент, свой премьер-министр, и, вероятнее всего, она будет править во всех сеймиках. По крайней мере до тех пор, пока некоторые депутаты, по своему обыкновению, не сменят партию. Президенты больших городов — тоже люди ГП (...) Впрочем, для партии Дональда Туска это может оказаться пирровой победой. Тот, у кого есть всё, легко теряет чувство реальности». (Малгожата Суботич, «Жечпосполита», 6 дек.)
- Окончательные результаты выборов в воеводские сеймики: ГП — 30,89%, «Право и справедливость» (ПиС) — 23,05%, крестьянская партия ПСЛ — 16,3%, Союз демократических левых сил (СДЛС) — 15,3%. В 12 воеводствах коалиция ГП-ПСЛ будет править самостоятельно, в четырех она ищет третьего члена. («Тыгодник повсехный», 5 дек.)
- На выборах в воеводские сеймики коалиция ГП-ПСЛ получила 315 мандатов (ГП — 222, ПСЛ — 93). Оппозиционные партии получили в общей сложности 254 мандата. По итогам выборов в советы повоев лидирует ГП (1315 мандатов), за ней следует ПиС (1085 мандатов), ПСЛ (999) и СДЛС (493). Однако главным победителем на уровне повоев стали непартийные комитеты, которые получили в общей сложности 2398 мандатов. Подобная ситуация сложилась и в советах гмин с населением менее 20 тыс. жителей. Местные комитеты провели в советы 24 867 депутатов, ПСЛ — 4175, ПиС — 1655, ГП — 981, СДЛС — 596, Польская партия труда — 6. Явка на выборы составила 47,32%. («Жечпосполита», 24 ноября)
- «В 64 из 107 городов президентами (мэрами) стали независимые кандидаты. У ГП будет 25 президентов, у СДЛС — 11, у ПиС — 6, а у ПСЛ — один. Женщин среди президентов — только семь. Таковы итоги выборов в органы местного самоуправления в крупных городах». («Газета wyborcza», 7 дек.)
- «Беспартийный Рафал Дуткевич — президент Вроцлава с 2002 года. На выборах 2006 и 2010 гг. он победил в первом туре, получив соответственно 84 и 72% голосов. По образованию он математик и философ, в 80-е гг. XX в. был деятелем

подпольной «Солидарности», после 1989 г. был связан с «Демократической унией» и Либерально-демократическим конгрессом. В интервью он говорит: «Недавно Гжегож Схетина [ГП, маршал Сейма] спросил меня, что бы я хотел изменить в стране. Я ответил, что мне бы хотелось разбить монополию партийных картелей и организовать прямые выборы маршалов воеводств. В ответ я услышал, что ничего не выйдет: “Мы сделали прямые выборы войтов, бурмистров и президентов — и что? Над ними нет никакого контроля”». («Тыгодник повшехный», 12 дек.)

- «Мы — демократия с четырьмя ведущими партиями и крепкой позицией местных лидеров, которые побеждают на каждых выборах, несмотря на конкуренцию мощных партийных структур. Это хорошая новость — она свидетельствует о том, что самоуправление хорошо прижилось. Местные власти могут отчитываться перед нами за то, что они сделали, а не за то, чем они хотели нас привлечь. Тем более что им пришлось действовать в трудных условиях — так, чтобы подготовить свои города, гмины, поветы и воеводства к принятию огромных денег из ЕС. В подавляющем большинстве случаев им это удалось». (Мирослав Чех, «Газета wyborcza», 23 ноября)

- «В 2008 г. люди (...) оценивали органы местного самоуправления гораздо лучше, чем в анкете десятилетней давности. Они чаще чувствовали, что влияют на окружающую действительность, что власть считается с общественным мнением и что они сами могут это мнение выражать», — проф. Иренеуш Кшеминский. («Польска», 22 ноября)

- «В настоящее время через органы местного самоуправления проходит 50% государственных средств. Из ЕС течет река денег (...) Подтвердилось мнение авторов реформы, что органы самоуправления будут тратить деньги лучше, потому что они знают местные проблемы и находятся ближе к людям, которые будут их контролировать. В 2000–2002, а также в 2010 г. Институт философии и социологии Польской Академии наук провел в нескольких воеводствах опросы об отношении к органам местного самоуправления. Сейчас 60% жителей оценивают их деятельность лучше, чем раньше. Однозначно плохо — только 13%. «Те, кто восемь лет назад не чувствовал себя членом местного сообщества и оглядывался на государство, сегодня чувствуют себя как дома», — констатирует проф. Барбара Гонцяж. Это одна сторона самоуправленческой медали. Есть и другая, менее радостная (...) Самоуправление в самом деле ближе к людям, но чем выше его

уровень, тем труднее оценить его полезность (...) Четыре года назад явка на выборы с трудом перевалила за отметку 45% (...) Кумовство и блат (...) затронули и органы местного самоуправления — независимо от того, управляют ими члены политических партий или независимые от них президенты, бурмистры и войты (...) Самоуправление — это не одинокий остров в море бюрократического и разделенного партиями государства, но его интегральная часть. То, что делают самоуправления — это тоже настоящая политика. У нас действительно многое получилось». (Мирослав Чех, «Газета wyborcza», 20-21 ноября)

• «Люди голосовали «за». Впервые... сама не знаю, за сколько лет (...) Во-первых, здравый смысл победил идеологию. В органы местного самоуправления потекли деньги из ЕС, за которые можно было менять окружающую действительность. Люди способны оценить, что происходит вокруг, и они проголосовали за тех, кто делает конкретные вещи, чьи действия приносят зримые эффекты (...) Во-вторых, люди пошли голосовать, потому что постепенно растет местное чувство принадлежности (...) В-третьих, среди самоуправленцев растет чувство ответственности (...) Участие в выборах, результаты этих выборов, а также опросы свидетельствуют о том, что в Польше медленно, но все же укрепляется демократия на местах», — проф. Барбара Гонцяж, Институт философии и социологии ПАН. («Газета wyborcza», 27-28 ноября)

• «Что они могут? Воеводский сеймик принимает правила, касающиеся местных налогов и сборов, регистрирует и распускает объединения, общества и фонды, отвечает за региональную железную дорогу, аэропорты и воеводские дороги, распределяет европейские деньги, осуществляет надзор за специализированными больницами. Совет повета отвечает за деятельность службы здравоохранения, за борьбу с безработицей, осуществляет надзор за средними школами, обеспечивает безопасность и следит за поветовыми дорогами. Городской совет разрабатывает схемы территориального планирования, определяет размер местных налогов на недвижимость, квартплат, регулирует цены на проезд в городском транспорте, открывает школы и управляет ими, берет долгосрочные кредиты и ссуды, принимает решения о названиях улиц и площадей, устанавливает размер зарплаты президента города. Совет гмины осуществляет надзор за детскими садами, начальными школами и гимназиями, содержит библиотеки, музеи и дома культуры, строит социальные квартиры и распределяет их, отвечает за текущий

ремонт гминных зданий, выплачивает пособия и вспомоществования беднейшим слоям населения, отвечает за чистоту улиц и вывоз мусора, осуществляет надзор за общественным транспортом, строит водопроводы и канализацию, принимает решения об открытии гипермаркетов, отвечает за дороги местного значения, выдает концессии на продажу алкоголя». («Дзенник — Газета правна», 22 ноября)

• «Деньги из Евросоюза и Фонда труда оказались самыми эффективными в самых бедных районах (...) По данным Главного статистического управления (ГСУ), почти половина людей, занятых на публичных работах, уже не возвращается к безработице. Что касается тех, кто за европейские деньги основал собственную фирму, то среди них почти 100% остаются профессионально активными (...) Новые микропредприятия специализируются прежде всего в сфере услуг — парикмахерских, косметических, транспортных (...) Активизировать и удержать на рынке труда одного человека ежегодно стоит приблизительно 9,3 тыс. злотых. Годовое содержание безработного обходится приблизительно в 7–8 тыс. злотых, не считая социальных издержек, которые трудно оценить (...) Активизируя безработных, гмины запускают рыночный механизм. В регионе развивается торговля, растет спрос, привлекающий уже более крупные фирмы (...) За год безработица уменьшилась в 104 из 380 поветов». (Александра Куровская, «Дзенник — Газета правна», 3–5 дек.)

• «По данным ГСУ, 7,3% всех занятых поляков, т.е. почти 1,2 млн. человек, подрабатывают. Для сравнения: в целом по ЕС этот показатель составляет лишь 3,8%». («Жечпосполита», 18 ноября)

• «В этом году польские семьи получают от своих родственников 9,1 млрд. долларов. Таким образом, мы заняли 12-е место в списке стран, извлекающих выгоду из эмиграции (...) Каждый из 3,1 млн. наших эмигрантов отправил в страну в среднем 2,9 тыс. долларов, т.е. 8,3 тыс. злотых. Эта сумма не была уравновешена средствами, утекающими из Польши на Украину, в Белоруссию или Германию (основные источники иностранной рабочей силы). В 2009 г. из Польши ушло по этой статье 1,3 млрд. долларов». («Дзенник — Газета правна», 10–11 ноября)

• «В 2008 г. в других странах ЕС проживали 1,82 млн. польских граждан. В 2009 г. — 1,57 млн., т.е. на 250 тыс. человек меньше. Таковы приблизительные подсчеты ГСУ». («Газета wyborcza», 4–5 дек.)

- «До 300 тыс. иностранцев проживают в Польше нелегально. Иммигранты строят и убирают наши дома, сидят с нашими детьми, готовят в восточных ресторанах или торгуют на базарах. Всё это — в теневом секторе. Госбюджет ежегодно теряет на этом до 200 млн. злотых». («Дзенник — Газета правна», 5-7 ноября)
- «Виндикационные фирмы всё чаще стучатся в двери поляков. Общая сумма задолженности, которую эти фирмы намерены истребовать, достигает 16 млрд. злотых. За последний год сумма задолженности, переданной им на взыскание, увеличилась более чем на 3 млрд. злотых, а число дел, которые они ведут, увеличилось на 650 тыс., достигнув 4 миллионов». («Польска», 17 ноября)
- «Общая сумма задолженности составила уже 25 млрд. злотых. Только за последние три месяца долги выросли более чем на 3 млрд. злотых, т.е. на 14%, а число должников увеличилось на 600 тысяч, т.е. почти на 3%. В настоящее время задолженности есть почти у 2 млн. человек. За последние два года общая сумма долгов выросла почти в три раза». («Дзенник — Газета правна», 3-5 дек.)
- «Согласно неопубликованному опросу «Philips Index 2010», проведенному в 23 странах, почти две трети поляков довольны своей жизнью. Это самый лучший результат в Европе. Респонденты отвечали на вопросы, связанные, в частности, с работой, состоянием здоровья, самочувствием и семьей». («Ньюсуик-Польша», 28 ноября)
- «В третьем квартале 2010 г. польская экономика развивалась так быстро, что даже самые большие оптимисты были удивлены. Как сообщило вчера ГСУ, ВВП вырос на 4,2%. Эта динамика выше, чем во втором квартале (3,5%) и во всем прошлом году (1,7%)». («Польска», 1 дек.)
- «Согласно последнему опросу, проведенному «Нильсеном» в 53 странах, в последнем квартале в Польше отмечается сильный спад потребительского оптимизма — с 88 до 76 пунктов. Наш оптимизм ниже, чем у среднестатистического жителя земного шара (90 пунктов)». («Дзенник — Газета правна», 25 ноября)
- «Министр Яцек Ростовский занял второе место в ежегодном рейтинге европейских министров финансов британской газеты «Файнэншл таймс». Министр был награжден за политику, которая позволила Польше единственной в ЕС избежать рецессии. Высокую оценку получило также

сокращение расходов, осуществленное Ростовским в начале глобального замедления». («Газета wyborcza», 7 дек.)

• «Сегодня экономика подвержена политическим манипуляциям и теряет свой основной смысл, связанный с экономическим выбором. Она становится инструментом извлечения определенной выгоды политической группой, старающейся сохранить власть. Экономическая аргументация преподносится таким образом, чтобы люди были уверены, что правящая политическая группировка добилась экономического успеха. Цифры «косметически» подчищаются так, чтобы поддержать ту уверенность, которая лежит в шкурных интересах правящей группы (...) Экономические факты освещаются односторонне. Об экономике говорят в категориях успеха (...) И никто даже не заикнется, что другие страны начали гораздо быстрее выходить из кризиса. Хотя бы Германия, Чехия, Словакия и даже Венгрия (...) С экспертами, которые анализируют экономические явления объективно — пользуясь экономическим инструментарием, показывая угрозы, риск и нестабильность, — премьер обходится почти пренебрежительно (...) Экономисты для того и существуют, чтобы показывать политикам темные стороны экономики, предупреждать об угрозах, а не рукоплескать успехам. Роль ученого — быть непопулярным, непокорным, предостерегать, а не аплодировать», — проф. Кшиштоф Опольский, Варшавский университет. («Польска», 6 дек.)

• «Журналисты, воспитанные в оппозиции к ПНР, считают делом чести (конечно, правильно, но не до абсурда же) критическое отношение к начинаниям правительства. Назвать кого-то проправительственным журналистом — худшее оскорбление. А война между журналистами разных направлений ведется всё жестче, так что в ход идут и такие эпитеты как «режимный журналист». Журналисты, именуемые «ПиСовскими», всеми силами открепщаются от такого ярлыка, как, впрочем, и «платформенные» (...) Так и идет общественная дискуссия, где никто никого не слушает, а абсурд возводится в ранг неприкосновенной святыни (...) Тем временем жизнь — и настоящая политика — идет совсем в другом месте». (Милада Ендрысик, «Газета wyborcza», 20–21 ноября)

• «Поляки доверяют журналистам больше, чем священникам, но меньше, чем, например, юристам (...) Таковы результаты опроса, проведенного Институтом общественных дел, радио «Зет» и «Миллвард Браун SMG/KRC»». («Польска», 8 дек.)

- Премьер-министра Дональда Туска положительно оценивают 49% опрошенных ЦИОМом, отрицательно — 37%. Поддержка правительства составляет 42%. («Газета wyborcza», 24 ноября)

- «Вчера прошла встреча премьер-министров Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, после которой на совместной пресс-конференции политики сообщили об общей энергетической политике и совместной эксплуатации строящейся атомной электростанции в литовском городе Висагинасе (...) На встрече разговор шел также о интерконнекторах, которые должны соединить как энергетические, так и газовые сети, а также о будущем литовского нефтеперерабатывающего завода в Мажейкяе». (Анджей Гжегжулка, «Польска», 6 дек.)

- «“Польша неизменно поддерживает вступление Турции в ЕС, в этом отношении мы лидируем в Европе”, — сказал вчера премьер-министр Дональд Туск, начиная двухдневный официальный визит в эту страну (...) Турецкий премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган поблагодарил его (...), напомнив, что в 2014 г. исполняется 600 лет со дня установления польско-турецких отношений. Польша — член «Группы друзей Турции» в Евросоюзе, лоббирующей интересы этой страны». («Жечпосполита», 9 дек.)

- «Президент ФРГ Кристиан Вульф прибыл (...) в Польшу в 40-ю годовщину подписания тогдашним президентом [председателем Государственного совета] ПНР Юзефом Циранкевичем и канцлером ФРГ Вилли Брандтом соглашения о признании границы по Одеру—Нейсе (...) Тогда, 7 декабря 1970 г., Вилли Брандт преклонил колени перед варшавским памятником Героям гетто, почтив память еврейских жертв Второй Мировой войны. Кристиану Вульфу было тогда всего 11 лет (...) «Я считал это прекрасным человеческим жестом. Жестом смирения, стыда, скорби перед лицом океана страданий, жестокости, которые немцы принесли в Восточную Европу», — сказал он (...) Доктор Ирина Кобринская, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, сравнила политику разрядки Брандта с польско-российскими отношениями. По ее мнению, Путин совершил похожий жест по отношению к Польше (...) Встреча президентов Польши и Германии была четвертой за последние пять месяцев (...) Президент Бронислав Коморовский подчеркнул, что ни с одной другой страной Польша не имеет столь схожих взглядов по ключевым вопросам, как с Германией (...) 20 лет назад мы начинали с уровня огромного недружелюбия, сегодня же 61% поляков не имел бы ничего против того, чтобы их зять или невестка были немцами».

(Магдалена Рыбинская, Малгожата Здеховская,
«Жечпосполита», 8 дек.)

• ««Визит в Польшу завершен. Улучшение отношений очевидно», — записал во вторник в «Твиттере» Дмитрий Медведев. Он желал бы сближения с Варшавой, поскольку Польша становится естественным союзником той России, которую он сам хочет строить (...) «В Варшаве — что было для меня приятной неожиданностью — мы встретились с людьми, хорошо знающими нашу страну, очень критически настроенными по отношению к России, но доброжелательными. Этого я не ожидал», — сказал политолог и эксперт по европейским делам Тимофей Бордачев, приехавший в Польшу с Медведевым». (Вацлав Радзивинович, «Газета wyborcza», 11-12 дек.)

• «“Надеюсь, что визы будут отменены до конца срока моих полномочий”, — вот самые важные слова Барака Обамы, произнесенные во время совместной пресс-конференции с Брониславом Коморовским (...) Это первый столь ясный сигнал США по вопросу отмены въездных виз для польских граждан. Но в то же время это единственная конкретная декларация Обамы после вчерашней встречи с Коморовским в Белом доме». («Польска», 9 дек.)

• Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 4-11 ноября, 50% поляков позитивно оценивают деятельность президента Бронислава Коморовского. 20% опрошенных деятельность главы государства оценивают негативно. Деятельность Сейма 25% опрошенных оценили положительно, а 60% — отрицательно. («Газета wyborcza», 23 ноября)

• Сегодня вступают в действие подробные положения, запрещающие гражданам с судимостью баллотироваться на парламентских выборах. Лица, в отношении которых вынесен вступивший в законную силу приговор за умышленное преступление, преследуемое по государственному обвинению (в т.ч. фискальное), не могут выдвигать свою кандидатуру ни в Сейм, ни в Сенат. Похожие положения касаются кандидатов в президенты городов». («Жечпосполита», 24 ноября)

• «Вчерашнее заседание Совета национальной безопасности было посвящено приближающемуся визиту в Польшу президента России Дмитрия Медведева. Были приглашены все бывшие президенты и премьер-министры Польши. Присутствовали Войцех Ярузельский, Александр Квасневский и Лех Валенса, а также Тадеуш Мазовецкий, Ян Кшиштоф Белецкий, Юзеф Олексы, Лешек Миллер, Влодзимеж

Цимошевич и Казимеж Марцинкевич, а кроме того, проф. Адам Даниэль Ротфельд, сопредседатель Польско-российской группы по трудным вопросам. Был приглашен также Ярослав Качинский (...) Но он не пришел. «Президент многое может, но истории изменить не в состоянии, а Войцех Ярузельский был президентом Польши», — ответил критикам на пресс-конференции президент Коморовский. Он пообещал также, что воспользуется советами любого политика, если это будет полезно для Польши». («Газета wyborcza», 25 ноября)

- «Приглашая генерала, как бы то ни было — первого президента, избранного на демократических выборах [Национальным собранием], президент Бронислав Коморовский поступил порядочно и к тому же благоразумно. И этим дал не один, а два повода для критики (...) Критика президента со стороны ГП показывает, что Бронислав Коморовский желает быть президентом всех поляков, а не «Платформы» (...) Так что я с глубочайшим уважением склоняю голову перед президентом Коморовским. За его мудрость, порядочность и смелость. Ведь он знает свою прежнюю среду и наверняка ожидал такой реакции». (Ян Видацкий, «Пшеглэнд», 5 дек.)

- «Деятели профсоюза «Солидарность» протестуют против реабилитации генерала Войцеха Ярузельского посредством включения его в мейнстрим политической жизни (...) Профсоюзные деятели считают, что приглашение Ярузельского на встречу Совета национальной безопасности было недопустимо». («Польска», 8 дек.)

- «Нынешняя «Солидарность» — это лишь тень былой мощи. Сегодня она, как и другие профсоюзные организации, борется за то, чтобы не потерять значения. На пике популярности, три десятилетия тому назад, «Солидарность» насчитывала более 10 млн. членов. Тогда она была чем-то большим, чем просто профсоюзом, — она была силой, освобождавшей общество от коммунистического ига. Сегодня, спустя 20 лет после перехода Польши к рыночной экономике, «Солидарность» насчитывает всего 700 тыс. членов и уже давно представляет собой обычный профсоюз (...) Когда Польша превратилась в страну с динамичной рыночной экономикой, интерес к членству в профсоюзах упал. Сегодня к ним принадлежит лишь около 20% штатных сотрудников». (Ян Ценский, «Дзенник — Газета правна», 17 ноября)

- «Разломы в Польше столь глубоки, что теряется чувство национальной общности», — Тадеуш Мазовецкий, первый

премьер-министр Третьей Речи Посполитой. («Газета wyborcza», 4-5 дек.)

- «Сегодня в Варшаве проходит заседание Парламентской ассамблеи НАТО (...) В заседании принимают участие около 300 парламентариев, в т.ч. представители 28 парламентов стран-членов НАТО, а также делегации его ассоциативных членов». («Польска», 12-14 ноября)

- «Саммит НАТО в Лиссабоне принял новую стратегическую концепцию (...) Польша и другие страны нашего региона добились того, что основной осталась ст.5 Североатлантического договора, которая дает политические гарантии солидарной обороны. Стратегия содержит также предложенные нами обязательства проведения военных маневров, подготовки сценариев на случай нападения, а также оценки угрозы безопасности (...) «Мы намерены создать щит, ограждающий нас от этой угрозы», — сообщил генеральный секретарь НАТО. Польский президент остался доволен. «Польша и я лично уже не один год стремимся к созданию совместной системы», — сказал Бронислав Коморовский». («Жечпосполита», 20-21 ноября)

- «Историческая политика и махровый национализм в странах Центральной и Восточной Европы — явление зловещее, и если НАТО кого-то от чего-то защищает, то эти самые народы друг от друга», — проф. Бронислав Лаговский. («Пшеглэнд», 28 ноября)

- «11 ноября этого года, наблюдая за столкновениями националистов и их противников, я был на стороне полиции. Среди «антифашистов» были группы не лучше тех, что стояли по другую сторону баррикады, хотя и с противоположными лозунгами (...) Опасные болезни поначалу могут выглядеть невинно, даже симпатично (...) — как дети, переодетые повстанцами, или инсценированные битвы, в которых враг всегда побежден. А враг — это сосед (...) Я боюсь сжатых кулаков под бело-красным флагом во времена, когда ради блага народа, но прежде всего ради блага людей следовало бы закатать рукава (...) Национализм как мало что другое может подорвать основы такого прекрасного здания, как Евросоюз или выполнение заповеди «не убий», — ведь впервые за много поколений европейская молодежь не идет друг на друга с оружием в руках», — Вальдемар Кучинский, бывший министр в правительстве Тадеуша Мазовецкого, советник Влодзимежа Цимошевича и Ежи Бузека. («Жечпосполита», 19 ноября)

• «10 ноября в интервью Католическому информационному агентству президент Коморовский поучал Церковь, (...) что «огромную угрозу для нее представляют всевозможные радикализмы и фундаментализмы. Католическая Церковь — вселенская. Это значит, что она должна быть открыта к другим людям, к разным взглядам и культурам» (...) 11 ноября (...) после мессы по случаю Дня независимости президент публично отчитал священнослужителя за содержание проповеди (...) Полковник о. Славомир Жарский (...) с горечью заметил, в частности, что «у самых истоков Третьей Речи Посполитой (...) ценность была заменена антиценностью». Патриотизм был заменен пропагандируемым космополитизмом; на смену честности пришло бесчестие; на смену правде — ложь и клевета; жертвенности и самоотверженности — корыстолюбие; любви — ненависть (...) «С политическими задачами могут справиться только люди с огромной любовью к родине, а не политические клоуны с антицерковными комплексами» (...) Что в этих словах могло вызвать столь решительную реакцию президента Коморовского? (...) «Все, кто приходит на мессу (...) должны прежде всего быть послушным Господу Богу, Его Слову, произносимому священником (...) Замечание президента смахивает на ограничение свободы священников (...)», — сказал [оставшийся анонимным — В.К.] епископ». («Наш дзенник», 15 ноября)

• «На всепольском съезде в монастыре францисканцев в Непокаланове более ста экзорцистов учились помогать людям, одержимым бесами, распознавать сатану и отличать одержимость от психической болезни». («Впрост», 22-28 ноября)

• «В 2007 г. число волонтеров сократилось с 22 до 12%. В 2010 г. общественной работой занимались 16% поляков (...) Как правило, много волонтеров было в религиозных организациях — около 4%. В 2010 г. об участии в этих организациях заявило менее 1% опрошенных». («Газета wyborcza», 4-5 дек.)

• «У нынешнего поколения молодежи есть некая система ценностей. Когда молодежь поднялась на их защиту, на выборах победила «Гражданская платформа» (...) Если бы «Право и справедливость» ввело недемократическую, авторитарную систему правления, было бы легко представить себе бунт молодежи против сложившейся ситуации. Если бы были нарушены ценности, ставшие для молодежи чем-то естественным, — такие как свобода выбора, индивидуализм, терпимость, — или если бы ей пришлось жить в клерикальном государстве, то она бы наверняка взбунтовалась (...) Михал

Шишко опросил молодежное крыло ПиС, и оказалось, что эта молодежь совсем не похожа на тот образ партии, который мы знаем из СМИ (...) Они много говорили об экономике (...) Скептически относились к теории заговоров и тайных договоренностей. Говорили, что между ними и их ровесниками (...) нет большой разницы (...) В системе ценностей людей верующих, опрошенных Войцехом Павликом, тоже укоренена терпимость. Собственно, нынешнее поколение молодежи (...) не пытается нарушать общие для всех элементарные ценности — кроме, разумеется, каких-нибудь извращенцев. Если даже среди молодежи из ПиС я не вижу фанатизма, то это свидетельствует об определенной общности ценностей», — проф. Ханна Свида-Земба, Институт прикладных общественных наук Варшавского университета. («Нове ксёнжки», ноябрь)

• «В Польше довольно широко распространена терпимость к расистскому поведению — такой вывод можно сделать из обнародованного сегодня отчета Хельсинского фонда по правам человека «Расизм в Польше» (...) Оскорбления в адрес иностранцев и нападения на них случаются, как правило, в публичных местах (...) С физическими приставаниями столкнулись около трети опрошенных (...) Половина респондентов была избита, причем семеро были госпитализированы или прибегли к амбулаторной помощи. Среди избитых были дети от смешанных браков (...) Большинство опрошенных столкнулось с дискриминацией (...) Случаются проблемы с трудоустройством, проблематично также получение зарплаты на уровне поляков. Действия, предпринимаемые до сих пор, принесли только два положительных результата: дела, касающиеся преступлений на расовой почве, уже не прекращаются за отсутствием опасности для общества, а кроме того, ведется статистика такого рода дел (...) По данным министерства юстиции, в 2009 г. было совершено 206 преступлений на расовой почве. В 48 случаях был составлен обвинительный акт, в 101 — виновные не были обнаружены». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 16 ноября)

• «Впервые в польском Сейме будет заседать чернокожий депутат. Мандат, который вернула депутат от ГП Ханна Здановская, избранная президентом Лодзи, получит выходец из Нигерии Джон Годсон». («Жечпосполита», 8 дек.). «Годсону 40 лет (...) он закончил сельскохозяйственный факультет Университета штата Абия. В США изучал управление человеческими ресурсами. В настоящий момент пишет диссертации на факультете управления Лодзинского университета и на факультете журналистики и политологии

Варшавского университета (...) В Польшу приехал в 1993 году. (...) Женился на жительнице Щецина, у него четверо детей (15, 13, 8 и 5 лет) (...) Работал преподавателем в Щецинском политехническом институте. В Хошно основал языковую школу и был пастором в протестантской церкви. В 2000 г. получил польское гражданство (...) В Лодзи стал депутатом районного совета (...) В 2007 г. был избран в городской совет (...) На последних выборах стал депутатом городского совета от ГП, причем со вторым результатом в Лодзи, набрав 4692 голоса». («Газета выборча», 7 дек.) «Жители Лодзи подчеркивают, что Годсон был одним из тех немногочисленных депутатов, которые их не боялись. Он открыто размещал в Интернете номер своего мобильного телефона, сам отвечал на письма и мейлы, установил рекорд по числу дежурств (270 в течение двух лет). Вопросы, с которыми к нему приходили люди, часто становились темами его запросов к президенту города (в общей сложности 110)». («Политика», 11 дек.)

• «Под опекой Управления по делам иностранцев находятся 3,8 тыс. беженцев, из которых 2 тысячи пребывают в центрах для беженцев. С января по сентябрь заявления о предоставлении статуса беженца подали около 4 тыс. человек. Годом раньше заявлений было 10,5 тысяч. Поэтому количество центров было сокращено. Останутся только четыре из них — правительственные. Кроме того, будут открыты еще два специализированных центра: для людей с травматическим опытом и инвалидов, а также для одиноких женщин с детьми. Еще 15 центров сдаются в аренду. Остальные семь уже решено закрыть». («Газета выборча», 4 ноября)

• «Яха Абубакарова — чеченка, получившая политическое убежище. Она живет в Варшаве, в квартире, выделенной гминой. Мухаммед Юсупов получил т.н. дополнительную защиту — статус, приближенный к статусу беженца. У него есть вид на жительство, и, согласно закону, он пользовался финансовой помощью польского государства (...) 12 и 13 октября с.г. они участвовали в конгрессе в Грозном, столице Чечни, организованном Рамзаном Кадыровым — т.е. тем, кто, по данным польских учреждений, их преследует (...) «Я — человек Кадырова», — говорит, не скрывая, Юсупов». (Александра Шило, «Газета выборча», 15 ноября)

• «Восемь тысяч километров. Сибирь — Монголия — Китай — Тибет — Непал — Индия (...) Трое польских путешественников прошли по маршруту, которым во время войны проследовал вместе с товарищами Витольд Глинский, молодой польский беглец из советского лагеря (...) «Наш поход был данью его

памяти, а также памяти тех, кто не вернулся из советских лагерей», — подчеркнул Томаш Гживачевский. Витольд Глинский (...) живет сегодня в Великобритании (...) Троих путешественников после их возвращения пригласил к себе президент Бронислав Коморовский. «Это символично. Когда Глинский прошел эту трассу, на родине некому было его встречать. Польша была оккупирована (...) Сегодня она свободна. Мечта Глинского и его поколения сбылась», — говорит Гживачевский». (Петр Зыхович, «Жечпосполита», 22 ноября)

• «Самый эффективный способ уберечь себя от химических компонентов продуктов питания — это самоснабжение. Дома на кухне можно приготовить аналоги продуктов из магазина. Выпечка. Приготовление хлеба занимает около пятнадцати минут. По самому простому рецепту: тесто готовится из дрожжей, смешанных с водой, которые затем нужно соединить с мукой и разными добавками (например, семенами) и посолить (...) Килограммовая буханка испеченного дома хлеба стоит около 5 злотых. Пиво. Составляющие, как и инвентарь, особенно фильтровальный куб, доступны в магазине (...) Одна бутылка будет стоить 5 злотых. Копчености. Хозяева приусадебных участков могут купить или построить маленькую коптильню (...) Килограмм такой колбасы стоит около 20 злотых». (Лонгина Гжегжулка, Радослав Омахель, «Ньюсуик-Польша», 14 ноября)

• «Что думают жители ЕС о своей пище, проверило европейское агентство, изучающее безопасность продуктов питания (EFSA). Оказалось, что у людей есть множество опасений относительно еды и что поляки переживают за качество продуктов питания больше других (...) «Мне кажется, что опасения поляков несколько преувеличены», — говорит Ян Бондар, пресс-секретарь Главной санитарной инспекции (...) По оценкам ГСИ, самая опасная угроза для здоровья, с которой мы имеем дело в случае продуктов питания, — это плесень и вырабатываемые ею микотоксины. Чаще всего ее можно обнаружить в чае и сухофруктах (...) Только в одном случае поляки выражали меньшее беспокойство, чем остальные жители ЕС: относительно условий разведения животных, из которых производят продукты питания (59% в Польше, 64% в ЕС)» (Эва Шпарковская, «Газета wyborcza», 18 ноября)

• «По количеству существующих антибиотикоустойчивых бактерий мы — одни из первых в Европе. Уже около 40% самых опасных бактерий устойчивы к пенициллину, а более 20% — к цефалоспорином третьего поколения, которые считаются

лекарством последнего шанса. Трудности вызывают также устойчивые к лекарствам штаммы золотистого стафилококка», — проф. Валерия Гриневич, директор Центра эпидемиологии и клинической микробиологии при Национальном институте фармакологии. («Газета выборча», 18 ноября)

• «За последние шесть месяцев — с 1 мая до 31 октября — польский павильон «Экспо» в Шанхае посетило более 8,2 млн. человек. Это 11% от всех 73 млн. китайцев, посетивших «Экспо». Ежедневно польский павильон посещало в среднем 45 тыс. человек. Только один павильон из Европы — французский — посетило больше гостей — 10 млн. человек». («Польска», 16 ноября)

• «Оба встречающиеся в Польше подвида евразийской рыси — карпатский (около 140 особей) и низинный (около 60 особей) — находятся под охраной (...) Популяция рысей — как и волков (600–700 особей) и медведей (около 100 особей) — всё еще не растет. Мешают не только браконьеры и леса, где хозяйствует человек, но и всё более густая сеть дорог, которые часто представляют для животных непреодолимые препятствия». (Томаш Улановский, «Газета выборча», 17 ноября)

• «В прошлом году только в Бебжанском национальном парке зарегистрирован 21 убитый на дороге лось. Полиция зафиксировала 17,5 тыс. столкновений [машин] с животными (...) Кроме кошек и собак, погибают олени, лоси, кабаны, косули, рыси и ежи... Но это лишь отрывочные данные. По подсчетам, лишь каждый четвертый водитель сообщает о таком происшествии». («Политика», 4 дек.)

• «За последние четыре века в Польше вымерло более 200 видов животных, сотни попали в списки вымирающих, численность других постоянно снижается (...) Основная причина вымирания животных — не их активное истребление (...) Существование конкретных видов ставят под угрозу вызванные человеком изменения в среде их обитания, сокращение пригодной для жизни поверхности (...) ухудшение качества воды, воздуха, почвы и прогрессирующий разрыв связей между соседними территориями, заселенными данным видом. Непреодолимым барьером оказываются застроенные участки, а также сеть дорог и автострад», — Александр Винецкий, по материалам книги: Генрик Гарбарчик, Малгожата Гарбарчик. Атлас охраняемых животных. Варшава: Мультико, 2010. («Нове ксьёнжки», октябрь)

• «По приблизительным подсчетам, в неправительственных организациях по охране природы работают около 50 тыс. человек. Большинство занимается просветительской деятельностью, но наиболее опытные — активной защитой животных в судебном порядке. Чаще всего называются такие организации, как «Зеленая Мазовия», Всепольское общество защиты птиц, Экологическое общество «Святовит» и Лаборатория защиты всех существ. Европейские предписания (...) дали общественным организациям по охране природы возможность вмешательства во все крупные инвестиции (...) Защитники природы стали, таким образом, пятой властью, против которой частные инвесторы, местные сообщества, органы самоуправления, а также правительство — бессильны (...) По причине общественных протестов опоздания дорожных инвестиций составляют в среднем (...) 6–9 месяцев (...) Постройка противоречащих европейским предписаниям фрагментов объездной дороги вокруг Августова обошлась в 7 млн. злотых. Ее разборка — еще в 400 тысяч (...) Протесты экологов — нормальная практика развитых стран (...) Нужно научиться с ними жить». (Радослав Омахель, «Ньюсуик-Польша», 28 ноября)

• В среду Европейская комиссия согласилась на многомиллионную государственную помощь польскому лесоводству. Речь идет о программе поддержки лесонасаждений на общую сумму более 226 млн. евро, а также о 100 млн. евро на восстановление лесов после экологических катастроф и предотвращение пожаров. Программа поддержки лесонасаждений рассчитана на период до 2013 года. («Польша», 2 дек.)

• «Государственное лесное хозяйство «Государственные леса» управляет почти 80% польских лесов, занимающих площадь 7,6 млн. гектаров. Четвертая часть поверхности страны находится в руках одной организации (...) «Государственные леса» — это государственная организация, не являющаяся правовым субъектом. Она должна заботиться об охране природы, но отвечает и за продажу древесины (...) Она находится на самообеспечении (...) Средняя начисленная зарплата в «Государственных лесах» составляет 4,8 тыс. злотых. Кроме того, служебная квартира, автомобили, спецпайки и ряд других привилегий. Армия в 26 тыс. лесников занимается управлением и надзором. Почти половину расходов поглощает администрация. Физическую работу (...) выполняют сотрудники частных фирм, в основном Предприятия лесных услуг (...) Частных лесов в Польше в пять раз меньше (только 1,6 млн. га). К тому же они поделены на мелкие участки и чаще

всего уже сильно вырублены». (Агнешка Сова, «Политика», 4 дек.)

• «Во всей Польше идет отстрел 90 лосей. Его добились «Государственные леса» и ученые из Белостокского университета (...) До пятницы застрелено уже 40 особей (...) Убийство животных — особенно диких — для научных целей недопустимо с этической точки зрения (...) Однако Государственный совет по охране природы и Главная этическая комиссия положительно оценили исследования и дали на них согласие (...) Отстрел проходит также на охотничьих участках, граничащих с Бебжанским национальным парком (...) Там предусмотрен отстрел почти 40 животных (...) Эти животные исключительно доверчивы — ведь они жили в национальном парке. В парке к лосю можно подойти даже на расстояние нескольких метров (...) А теперь достаточно такому лосю пересечь границу парка — и его угостят пулей (...) Насчитывающая около 600 особей бебжанская популяция лосей (...) генетически отличается от остальных лосей в нашей стране, потомков животных, которые пришли или были привезены к нам издалека». (Адам Вайрак, «Газета выборча», 22 ноября)

• «Отстрел лосей для научных целей приостановлен. Планировалось отстрелять 90 лосей (...) Отстреляна половина (...) Сегодня в польских лесах живут 5–6 тыс. лосей (...) В результате волны протестов министерство охраны окружающей среды приняло решение приостановить отстрел. Убито 42 лося, из них половина — в долине Бебжи». (Адам Вайрак, Якуб Медек, «Газета выборча», 23 ноября)

• «Мы обратились к министру окружающей среды с просьбой принять меры против планируемого в Словакии отстрела бурых медведей, — сообщил Павел Средзинский из международной экологической организации Всемирный фонд дикой природы. Под обращением подписались 18 организаций по охране окружающей среды, а также председатель Государственного совета по охране природы проф. Анджей Блешинский. Словацкие власти дали разрешение на отстрел 50 медведей». («Дзенник — Газета правна», 29 ноября)

• «Собакам я обязан жизнью (...) Мне было два с половиной года, когда в морозную новогоднюю ночь я вышел из дому (...) Мое исчезновение не сразу заметили. Меня случайно нашла какая-то супружеская чета (...) Я лежал в поле, окруженный бездомными собаками. Они грели меня животами. Эти дворняги вели себя как приемные родители. Растения — тоже мои близкие... (...) К елкам, сосне, акации и большой шелковице, растущим в моем саду, я отношусь как к друзьям. Просто

говоря с ними...» — Эмилиан Каминский, режиссер, актер, за борьбу за свободу слова удостоен Кавалерского креста ордена Возрождения Польши». («Жечпосполита», 26 ноября)

AD MULTOS ANNOS, ЕЖИ!

Ежи Помяновский — писатель, эссеист, переводчик, поэт, автор театральных пьес, киносценарист, университетский преподаватель, весьма тонкий — а когда требуется, то и безжалостный — критик, знаток польско-российских отношений, автор и главный редактор журнала «Новая Польша», дипломированный психиатр, искусный охотник, обольститель и путешественник. Короче говоря: чтобы быть Ежи Помяновским, надо иметь многочисленные таланты, обладать мудростью и не забывать о превратностях судьбы. Итак, совершенно необходимо: родиться в Лодзи 13 января 1921 г.; изучать философию у Тадеуша Котарбинского в Варшавском университете; прочесть рассказы Исаака Бабеля (в переводе своего дяди по отцу, Мечислава Бирнбаума, который «во время войны 1920 года был адъютантом Пилсудского по особым поручениям, придя к нему не из ППС, а из СДКПиЛ, поэтому он хорошо знал всех советских людей польского происхождения. От имени Пилсудского он вел потом переговоры с большевиками, в частности в Минске», а в 1940 г. был расстрелян в Катыни); набравшись юношеской храбрости, отправиться к Станиславу Игнацию Виткевичу, чтобы выслушать его апокалиптические пророчества — и не поверить в них; получить ранение в сентябре 1939 го; начать понимать, что апокалиптические пророчества всё-таки сбываются чаще, чем хотелось бы в это верить; работать навалоотбойщиком в шахте «Краснополье» в Брянском районе Ворошиловградской области; поехать в Таджикистан и начать изучать медицину в Сталинабаде; поехать в Москву и стать редактором Агентства печати «Польпресс»; узнать, что Исаак Бабель пал жертвой «чистки»; познакомиться с Анной Ахматовой и Борисом Пастернаком; получить диплом психиатра в Московском мединституте; поехать в Варшаву, чтобы заняться театром и кино, писать пьесы, переводить с польского на польский, что творчество Бертольта Брехта не является порождением «по сути чуждой, враждебной нам, товарищи, идеологии», и просто на польский язык переводить поэзию Ахматовой, Мандельштама, Пушкина, Слуцкого, рассказы Чехова, комедии Шварца и Булгакова, драматические произведения Льва Толстого, но прежде всего все доступные на тот момент произведения Бабеля; подстрелить матёрого оленя, на двух основных стволах рогов которого насчитывалось 22 отростка, а ещё бросившегося на охотника кабана-одиночку; эмигрировать

из Польши в Италию; преподавать польскую литературу в университетах Бари, Пизы и Флоренции; переводить на итальянский язык произведения Александра Фредро и Кароля Войтылы; писать для парижской «Культуры» и — когда уговорил ее главный редактор Ежи Гедройц — перевести на польский «В круге первом» и «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына; публиковать статьи и эссе в «Темпо презенте», «Мондоперайо», «Фьера литтерариа», «Кензен литтерер» и «Документе»; вернуться в Польшу в 1992 г. и издать не меньше шести сборников эссе, не считая многочисленных переводов; основать и создать журнал «Новая Польша»...

У нас есть все основания полагать, что за последние девяносто лет было немало тех, кому хотелось бы стать Ежи Помяновским.

Но благодаря своим многочисленным талантам, своей мудрости и умению помнить о всех превратностях судьбы это смог сделать только один.

Ad multos annos, Ежи!

ПЕРЕВОДЧИК

Среди многих определений, которые можно испробовать для характеристики Ежи Помяновского, самым емким и, пожалуй, одновременно точным будет назвать его переводчиком. Польское слово «перевод» в этом случае удивительно подходит, поскольку означает оно не только переложение текста с языка на язык, но и толкование, интерпретацию, выяснение сути вещей. Можно это делать, занимаясь самыми разными профессиями и откликаясь на разные запросы, — так, собственно, и происходит в нашем случае. Ибо Помяновский — выдающийся переводчик русской литературы, но одновременно и автор текстов, которые толкуют и проясняют запутанные отношения как польско-русские, так и русско-польские (такое удвоение особенно важно, ибо, «переводя» Польшу русским, он поспекает одновременно объяснять Россию полякам); наконец, он еще и редактор — с легкой руки Ежи Гедройца — журнала, который, будучи адресован «русским друзьям», стал опытом того, что в работе переводчика самое главное, а именно: создания пространства диалога. И это неудивительно, ибо одна из художественных стихий, где автор «Избранных впечатлений» чувствует себя как рыба в воде — это театр.

Но первичная стихия, некая «праматерия», из которой построен космос Помяновского, — конечно же, Польша. И пусть это звучит несколько патетично, но не противоречит сути дела и не меняет ее: Помяновский — государственный. Государственный в прямом понимании: основа его разнообразной политической активности, от которой он, несмотря на преклонный возраст, не отказывается, — не какая-то идеология, а суверенность Польши. Как один из, увы, немногих наследников Гедройца, основные усилия Помяновский направляет на то, что обеспечивает Польше фундамент независимости, именно сейчас, когда принадлежность к Евросоюзу и НАТО гарантирует безопасность на западе, — на восточную политику, в особенности на отношения с Россией. Свою программу он представил в очерке, посвященном памяти редактора «Культуры»: «Формирование нормальных и выгодных отношений с Россией (...) и необходимо, и возможно потому, что Польша рассталась с положением вассала. Но это возможно только при одновременном выполнении трех условий: а) если это не

произойдет за счет независимости и жизненных интересов общих соседей России и Польши, прежде всего, Украины; б) если Россия будет включена в европейские хозяйственные структуры, принципиально эгалитарные, исключающие какую-либо гегемонию, гарантирующие то процветание, которое превращает агрессию в анахронизм; в) если это произойдет при сознательном участии самих россиян». Эти слова, написанные десять лет назад, сегодня можно расслышать в заявленной программе модернизации России.

Но дело в том, что речь не о России, а о Польше. Помяновский, как и Гедройц, особенно в последний период существования «Культуры», на который приходится также инициатива издания «Новой Польши», разъясняет то, что на первый взгляд кажется парадоксальным: мысли о Польше должны быть неразрывно связаны с мыслями о России. И эти размышления следует строить на двух основаниях. Первое — воображение, позволяющее увидеть картину будущего, второе — жесткий, очищенный от эмоций реализм. И первого, и второго Помяновскому не занимать — более того, он умеет гармонизировать эти начала в своем творчестве и в своих поступках. Это не значит, что его картина будущего свободна от элементов пессимизма, но независимо от этого в будущем всегда предстает одна и та же перспектива — партнерские отношения Польши и России. Партнерство означает не отсутствие противоречий и конфликтов интересов, но преодолевает аргумент силы силой аргументации, как это происходит, например, в работе комиссии, занимающейся трудными вопросами взаимоотношений обоих государств, в мероприятиях которой участвует Помяновский. И он здесь более чем компетентен: Помяновский в течение своей жизни не только получил уроки работы на шахте в Донбассе, но еще и стал прекрасным знатоком русской литературы. Он сумел доступно объяснить, чем была советская действительность периода наиболее brutального тоталитаризма, и блистательно перевести слово русского поэта, вкрапляя во все это замечательные анекдоты. Примером тому стало скомпонованное им сценическое действие «Содом и Одесса» — как указано в подзаголовке, «вариации, домыслы и песни на тему “Одесских рассказов” Исаака Бабеля».

Помяновский — проницательный читатель Бабеля. Не случайно очерк о его творчестве и судьбе стал камертоном книги Помяновского «К востоку от Запада», снабженной знаменательным подзаголовком «Как жить с Россией?». Этот вопрос для Помяновского — один из фундаментальных в польской экзистенции. Вторая проблема — это «перевод»

Польша для россиян. Главенствующая роль в попытках решения обеих проблем и в искусстве их постановки принадлежит слову. Не удивительно, что, отыскивая слово, наиболее емкое, способное выявить глубину и драматизм человеческого опыта, Помяновский находит его именно у Бабеля, в особенности в «Конармейском дневнике 1920 года». Помяновский знает — и умеет передать свое знание, что опыт советской России (впрочем, не только советской, в чем может убедиться любой читатель Достоевского или Гоголя) в своем роде универсален. И здесь главное выразить этот опыт «на свой манер». Характеризуя писательский метод Бабеля, Помяновский пишет: «Оказалось, что дело не в самом знакомстве с новыми людьми и событиями, а в способе, в приеме, который из хроники создает литературу, а из случая — крупицу вечности».

И в этом «приеме» самое главное — способность сохранять независимость. Как в литературе, так и в политике. Заботясь о независимости «Новой Польши», Помяновский предоставляет на страницах журнала слово представителям разных политических кругов. Но он заботится и о том, что сам определил как достоинство редакторской практики Гедройца: «Свобода слова, за которую сражался Гедройц и значение которой продемонстрировал шестьюстами тридцатью семью номерами „Культуры“ и всеми изданиями „Института Литерацкого“, должна быть не неким сакральным атрибутом, а, скажем прямо, предметом заботы любой власти Речи Посполитой. Эту часть наследия Гедройца необходимо сохранить». И она сохраняется Помяновским в редактируемом им журнале. Ибо свобода слова — неременное условие работы переводчика, которая — и это знает каждый, кто ею занимался, — начинается тогда, когда выходит за пределы словарей. Эту истину Помяновский не только постиг. Он умеет ее перевести другим.

ИСТОРИЯ МОЕЙ СЕМЬИ

История моей семьи вовсе не исключительна и не особенно любопытна. На фоне исторических событий, таких как годы Первой Мировой войны, октябрьской революции, сталинских репрессий и Второй Мировой войны, в этой истории не найти каких-то особых свидетельств мученичества, не было в ней ни высокого героизма, ни сколько-нибудь интересных или необыкновенных событий, которые могли бы привлечь внимание.

След и память... Мы помним о каком-то событии или человеке только потому, что о нем остался след — скупые семейные рассказы или несколько фотографий. В нашей семье тоже сохранились такие вещи и воспоминания. Я постаралась собрать их в своей памяти и составить из них краткую историю моей семьи. Я смогла сделать это благодаря моей бабушке. Именно от нее я узнала обо всех этих событиях, а судьба нескольких фотографий, которые она бережно хранила, просто поразительна.

Моя бабушка со стороны отца Эмилия Коженёвская (урожд. Калиновская, дочь Доминика и Геновефы, урожд. Кочан-Кочановской) родилась в Риге 20 мая 1906 года. Первые годы ее жизни, до 1913 г., прошли в квартире на втором этаже небольшого деревянного дома, расположенного в польском квартале возле фарфорового завода.

Однако историю моей семьи следует начать с несколько более раннего времени и рассказать в самом начале о дедушке моей бабки, ибо именно с него начинается для меня моя родословная. Казимеж Кочан-Кочановский родился в деревне Визгилянцы и еще в молодости перебрался в Латвию, которая в то время была частью Российской империи. Он работал на железной дороге. Был женат и имел двоих детей: дочь Геновефу, будущую мать моей бабки, и ее младшего брата Виктора. О Казимеже мне известно мало, но из скурых воспоминаний бабки в моем воображении возникает некий образ доброго стража, защищавшего и свою дочь, и ее семью от бесчинств лихого мужа, бывшего значительно старше нее. Именно дедушка заботился о малышке Эмме в первые годы ее жизни. Тогда он уже не работал, и постоянным его занятием стал ремонт часов.

Эмма ходила в польскую школу при монастыре кармелиток на Петроградской стороне. Ее учили правильному польскому языку, сообщали кое-что об истории Польши, еще она посещала занятия по Закону Божию.

Началась октябрьская революция. Заводы и фабрики закрывались. Жить в городе стало небезопасно. Кругом царили хаос и голод. Семье удалось как-то продержаться до 1920 года. Отец Эммы решил отправиться с семьей в Москву, которая в меньшей степени пострадала от революции.

Деловые качества Доминика, отца Эммы, который когда-то работал на капиталистов, теперь оченьгодились большевикам, да он и сам был членом партии. Бабушка говорила, что в партийной жизни он не участвовал: экономика России рухнула, нужны были опытные управляющие. Работы было очень много, и Доминик почти не бывал дома.

Будучи партийцем на большой должности, отец Эммы получил прекрасную двухкомнатную квартиру в центре города со всеми удобствами и мебелью, оставшейся от прежних хозяев.

Характер у Эммы всегда был независимым, и, хотя время было трудное, она жила полнокровной, наполненной жизнью. В 19 лет она окончила среднюю школу. Училась хорошо, но поступать в вуз не пожелала. Ей хотелось быть самостоятельной, она хотела работать. Кто-то из знакомых отца привел ее в действовавший тогда в Москве Польский рабочий клуб на улице Мархлевского. Там ее приняли в библиотеку стажером, а спустя шесть месяцев она уже получила соответствующие документы и стала штатным сотрудником. Она проработала библиотекарем до последнего дня существования клуба.

Этот клуб очень много значил в жизни московской Полонии в 20-е и 30-е годы. Библиотека клуба была одной из лучших в Москве. В ее собрании была не только мировая классика, но и очень много книг на польском языке. Гордостью библиотеки были редкие издания, а также уникальные экземпляры весьма ценных старопечатных книг XVI-XVIII веков. Библиотека, конечно, располагала большим количеством газет и журналов, абонемент выдавал книги на дом. В библиотеке устраивались встречи с писателями и поэтами, проводились дискуссии. В этой библиотеке моя бабушка знакомилась с великим литературным наследием, а также училась правильному польскому языку, ибо сотрудниками библиотеки были люди, не только весьма образованные, но и прекрасно владевшие польским. Некоторые из них приехали прямо из Варшавы и

привнесли некоторую элегантность в сероватую атмосферу того трудного времени. При клубе работал ресторан, где каждый вечер проходили скромные, но веселые приемы. Тогда в центре большого стола ставился огромный самовар. На подносах лежали бутерброды с сыром и колбасой. Рядом ставились чашки, тарелочки, раскладывались приборы. Любой мог подойти, налить себе чаю, съесть бутерброд. В те времена, когда вообще было трудно с едой, это представляло собой прекрасное дополнение к танцевальным вечерам или длинным дискуссиям, которые иногда затягивались до полуночи. Здесь же праздновали дни рождения и свадьбы членов польской общины, рождение детей.

Как вспоминала бабушка, в Польском клубе было так гостеприимно и весело, что постоянными посетителями в нем были венгры и немцы. У них были свои клубы, но как они сами признавались, у поляков было лучше всего. При клубе действовал театр. В нем играли любители, но часто на главные мужские роли приглашали профессиональных актеров. Труппа была на хорошем уровне, а репертуар был подобран в соответствии с ее возможностями и запросами зрителей. Ставили старый легкий репертуар: «Стакан воды», «Свадьбу Фигаро», «Мирандолину». В библиотеке моей бабушки было несколько дешевых изданий Гольдони и Лопе де Вега, по которым и учили тексты пьес. Режиссером был польский офицер из Галиции, который во время войны попал в русский плен, а после революции поселился в Москве и женился на тамошней польке. Эмма обожала театр, и талант у нее был. Ей стали поручать сначала небольшие роли, но вскоре публика ее очень полюбила, и до самого конца существования театра она с успехом играла женские роли первого плана. В семейном архиве сохранилось несколько фотографий того времени — несомненно, это было самое лучшее время в жизни моей бабушки.

Но деятельность польской общины не ограничивалась лишь театральными спектаклями и устройством танцевальных вечеров. По мере возможности заботу проявляли обо всех членах сообщества, обеспечивая помощь в житейских делах, помогая найти работу и получить квартиру.

В 1926 году Эмма познакомилась с Винцентом Коженёвским. Они хотели пожениться, но жить им было негде. Помогли товарищи: молодой паре предоставили семиметровую комнатуху в большой коммунальной квартире. Комнатуха располагалась в проходе, ведущем на чердак, где сушили белье после стирки. Соседкам, когда они желали попасть с

выстиранным бельем на чердак, приходилось боком протискиваться через комнату молодой семьи. Только ночью можно было закрыть дверь и на несколько часов остаться вдвоем. Но бабушке это вовсе не мешало -- она вспоминала, как была тогда довольна, как радовалась этой крошечной комнате с маленьким оконцем и выбеленными известкой стенами: она же была их собственной. Теперь у нее были работа и квартира. Был муж. В 1927 г. у них родился сын — мой отец Тадеуш.

Однако спустя какое-то время Эмма разошлась с мужем и переехала с ребенком к отцу. В 1930 г. в Москву из Канады приехал Томаш Ружальский. Коммунист, родившийся в Тьмелеве, он был вынужден бежать из Польши от полицейских преследований. Сначала он эмигрировал в Канаду, но там начался кризис. Поддавшись советской пропаганде, он приехал в советскую Россию, в Новокузнецк, строить коммунизм. Условия там были чудовищные, а он мечтал развиваться, учиться. И перебрался в Москву. Пришел в Польский клуб, где и встретил мою бабушку. Эмма сказала себе: «Он будет мой». Вскоре они поженились. У них родился сынишка Чесик. Они были прекрасной парой. Хотя Эмма была на несколько лет старше, они любили друг друга, всё у них складывалось хорошо. Но в воздухе уже витал призрак массовых репрессий. Первым это почувствовал отец Эммы — Доминик. Занимая руководящую должность на заводе и будучи членом партии, он не понаслышке знал о действительном положении дел. Поэтому он оставил свою должность и уехал вместе с женой в отдаленный колхоз, поднимать его из разорения. Но не спасся от судьбы, был слишком заметной фигурой. Его посадили и отправили в Сибирь. К счастью, это был только 1934 год. Он получил свои десять лет.

Эмма, Томаш, Тадек и Чесик жили в той роскошной квартире, которую им оставил отец Эммы. Атмосфера становилась всё более тяжелой. В Москву приезжали всё новые коммунисты, бежавшие от преследований. Рабочих мест не хватало. В клубе начали увольнять старых сотрудников, их места занимали новопривывшие. Клуб еще продолжал действовать, библиотека и театр тоже работали. Вечерами люди собирались на мероприятия. Но репрессии уже набирали обороты. Каждый знал, что вскоре настанет и его очередь. Об этом говорили открыто. Томаш, у которого уже был подобный опыт, прямо заявлял, что он сдастся и сбежит любой ценой. Это был 1934 год, начался общегосударственный обмен паспортов. Поляки, родившиеся в России, автоматически получали советское гражданство. Томаш не желал его принимать, на собеседовании он просил выпустить его вместе с семьей в Канаду, из которой

он приехал. Ему отказали. Он имел право выехать, но только в Польшу и без семьи. Под давлением он принял советское гражданство. В новые паспорта обязательно вписывалась национальность, поэтому у моей бабушки и моего отца, а потом и у меня самой — у всех нас в этой графе было записано «поляки». Томаша арестовали в 1937 г., а чуть позже был разгромлен и перестал существовать Польский рабочий клуб. Уникальные книги из его великолепной библиотеки собрали во дворе и сожгли. Горящие страницы взлетали высоко в воздух. Никто этим не озаботился, так как была уничтожена вся польская община в Москве. Винцент, первый муж моей бабушки и мой дед, тоже находился в пассивном ожидании своей очереди. Бабка не могла тогда так просто с этим смириться — обращаясь к нему, она спрашивала, почему никто не защищается, ничего не предпринимает. «Вы же мужчины, а позволяете забивать себя, как овцы», — старалась она вразумить бывшего мужа... В том же 1937-м его схватили и отправили на урановый рудник на Урал. Уведомление о его смерти пришло бабушке только после войны. С Томашем дело обстояло иначе — наверное, он всё-таки остался верен своему обещанию и бежал, так как спустя какое-то время после его ареста, когда в доме была только домработница с детьми, пришли люди из НКВД, спрашивали о нем, даже под кровать заглядывали... Рассказывая мне об этом, на мой вопрос: «А может ему все же удалось бежать и выжить?» — бабушка только махнула рукой: «Куда там... в своей “американской” куртке, почти не зная русского языка... он наверняка замерз где-нибудь по дороге, или кто-нибудь его убил». Было еще одно доказательство того, что Ружальский сумел бежать. После смерти Сталина бабушка пыталась узнать о нем хоть что-нибудь, но получила справку, что в архиве НКВД человек с такими данными не значится. Таков был обычай: документы на тех, кто сбежал, НКВД уничтожал. Тогда бабушка какое-то время еще питала надежду... потом и вовсе перестала ждать.

Именно тогда, после уничтожения клуба и ареста почти всех знакомых, Эмма приняла разумное и ответственное решение: она поменяла роскошную квартиру отца на две крохотные комнатки в обшарпанном бараке. В те времена даже обладание швейной машинкой могло вызвать подозрение, а тут такое сокровище, как хорошая квартира.

...из всего состава Польского клуба на свободе остались лишь моя бабушка и ее подруга Слава. Обе они были убеждены, что быть им на свободе осталось считанные дни. Поэтому Слава, как человек более практичный, посоветовала Эмме купить за часть тех денег [оставшихся от обмена квартиры] хорошую шубу.

«Тебя, Эмма, все равно арестуют и вышлют в Сибирь, так что тебе надо иметь по крайней мере теплую шубу». Бабушка смеялась: «Почему ты считаешь, что меня арестуют именно зимой?» — но шубу всё-таки купила.

После того как НКВД разгромил Польский клуб, Эмма осталась без работы. Уровень ее квалификации был очень высоким, поэтому в бюро по трудоустройству она тут же получила направление в одну московскую библиотеку, где была немедленно принята на работу. Спустя несколько дней директор буквально на коленях умолял ее уволиться по собственному желанию. Он узнал, что принял на работу жену и дочь врагов народа. Она уволилась и вернулась в бюро по трудоустройству. Ей сообщили новый адрес. На сей раз ее сначала попросили заполнить анкету. Очередной отказ. Чиновник, который занимался ею, был человеком доброжелательным (бабушка всегда подчеркивала, что ей везло на людей). Он знал, что библиотеки составляют важную часть идеологического фронта и у человека с такой биографией, как у бабушки, тут нет никаких шансов. Тогда он посоветовал Эмме поступить на работу бухгалтершей. Он дал ей адрес какого-то склада на окраине Москвы. Сказал, что там катастрофически не хватает людей и никто сразу не потребует от нее анкету. Бабушка так и сделала. С тех пор она еще долго занималась столь нелюбимым делом.

Ее жизнь начала понемногу налаживаться, но тогда-то ею заинтересовалось НКВД. Зимой 1939 г. ее вызвали на Лубянку. Время допроса было назначено где-то после восьми вечера. В комнате для допросов был только один человек, какой-то мужчина в форме. Она не смогла его хорошо запомнить, потому что он сразу направил ей в глаза слепящий свет лампы, а кроме того не очень-то ее и интересовало, как он выглядит. Она была в состоянии такого нервного напряжения, что почти не понимала его вопросов. Поначалу это были довольно общие вопросы, но вся эта атмосфера и все предыдущие события сделали свое дело — ее словно прорвало, она выплеснула из себя всё, что так долго копилось в ней: «Ненавижу Сталина, — закричала она, — это убийца, он убивает невинных людей. Не буду с вами сотрудничать!» По всей вероятности, тот не ожидал такого резкого поворота. Он хотел ее по своему обыкновению сначала немного помучить, поиграть в кошки-мышки, а потом ошеломить, уничтожить, заставить полностью подчиниться. А тут вдруг сам оказался атакован! Однако он попытался перехватить инициативу. «Что вы такое несете! Подумайте о детях...» — «А зачем мне о них думать? — отрезала она. — Можете меня арестовать, вы же уже арестовали

всех моих близких... А моих детей будете сами воспитывать, я при таких обстоятельствах им никакого будущего обеспечить не могу!» Рассказывая мне об этом, она вся покраснелась, глаза блеснули, говорила она быстро, словно переживала всё заново. Допрос продолжался несколько часов. Бабушка много плакала, кричала. Иногда в комнату входил кто-то еще, а этот выходил. Несколько раз ее оставляли одну...

— Какая уж из меня героиня, — вспоминала бабушка, — просто глупая и неразумная. Говорила я то, что думала, но кто в здравом рассудке может такое нести?

Наверно, она была права, и, возможно, именно эта «глупость» ее и спасла. Под утро бабушку выпустили. Обессиленная, с опухшим от слез лицом, с тяжелым сердцем возвращалась она домой. Транспорт в эту пору еще не ходил, поэтому она пешком прошла почти полгорода. Не ощущала ни холода зимней ночи, ни усталости. Ноги несли ее сами. Вернулась и упала на постель. Заснула каменным сном. Утром забрала детей, находившихся у соседки. Та ни о чем не спрашивала, но было видно, что она догадывается, в чем дело. Бабушку выпустили, но предупредили, чтобы она не уезжала из города, так как вскоре с ней свяжутся. Действительно вскоре они отозвались. Звонили на работу, дома у нее телефона не было. Трубку взял начальник: «Эмма Доминиковна, какой-то мужчина хочет с вами говорить». У нее потемнело в глазах, но она не выдала себя перед сослуживцами, скрыв свое волнение. Мужской голос, без всяких предисловий и не представившись, назначил ей время и место встречи, добавив, что это обязательно. Они встретились в скверике у Большого театра. Она еще никого не заметила, но была уверена, что этот человек уже тут и наблюдает за ней. Однако она не стала озираться по сторонам, а подождала, пока он сам подойдет. Он подошел к ней со спины и заговорил. Это был молодой мужчина, довольно интересный, со слегка азиатскими чертами лица. Он был одет в длинный кожаный плащ, а в то время это считалось весьма изысканным. Он предложил ей с ним прогуляться. Он задавал вопросы, а она должна была отвечать. Вопросы были ничего не значащими, никак друг с другом не связанными. У бабушки сложилось такое впечатление, что он задавал эти вопросы, не имея перед собой четко поставленной цели. Он был сотрудником НКВД, он получил задание и должен был его выполнить в соответствии с определенной схемой. А потом в своем служебном блокноте записать то, что считал нужным... И так на протяжении нескольких лет этот человек проводил разработку моей бабушки. Он назначал ей встречи совершенно непредсказуемо, через произвольные промежутки времени, в самое разное

время суток, пока в конце концов не исчез из ее жизни навсегда. Но она не радовалась этому, ибо знала, что закончиться это может по-разному. Однако ей было не до того, чтобы раздумывать об этом, ибо у нее случилась большая беда. В это время как раз умер ее любимый сынишка Чесик, сын Томаша.

Началась Вторая Мировая война с ее необыкновенно суровыми зимами и работой сверх всяческих сил. Бабушка жила в чрезвычайно плохих условиях. У нее не было ни центрального отопления, ни ванной, ни горячей воды. Даже нормальной кухни не было. В крошечной передней стояла газовая плита с четырьмя конфорками, напротив была раковина с холодной водой, а возле лестницы крошечный сортир. Всё это бабушке приходилось делить с соседями. Во дворе были сараюшки, в которых хранили дрова и всякую рухлядь. Только у самых обеспеченных был уголь, остальным приходилось довольствоваться дровами, которые еще надо было собственноручно нарубить. Но бабушка не жаловалась. С соседями она жила в дружбе, на работе у нее тоже были хорошие отношения. И вообще ее жизнь проходила преимущественно на работе. Домой она возвращалась поздно, тогда ведь работали до позднего вечера, в конце рабочей шестидневки полагался один выходной день, и за этот день надо было успеть много сделать. Нарубить дров на следующую неделю, постирать, сходить в баню и переделать еще массу мелких домашних дел. Не было ни холодильников, ни стиральных машин, ни телевизоров, ни горячей воды, но при такой уйме дел бабушка умудрялась еще ходить в кино и в театр, принимать гостей и встречаться с друзьями. Сохранилась ее записная книжка того времени. Кроме записей там были и скупые списки продуктов, которые покупались для таких встреч, обычно одно и то же: селедка, картошка, хлеб, макароны, яйца, подсолнечное масло, мука. Я ни разу не видела там чего-то похожего на колбасу, сыр, пирожные, а о фруктах или мясе и речи быть не могло. Из напитков только четвертинка водки и бутылка «красненького» — самого дешевого красного вина, которое теперь называют «чернилами». Такое скромное меню не мешало весело проводить время. Детей либо укладывали спать, оставляя в маленькой комнате за стеной, либо отводили к соседке. Просматривая записи, можно даже подумать, что в этом вопросе заключалась единственная проблема для моей бабушки в то время, ибо запись «что лучше — уложить спать или к соседке?» появлялась довольно часто. Столь скупое содержание записей было вызвано страхом перед НКВД. Любая, даже ничего не значащая фраза или фамилия знакомого могли навлечь

беду, могли стать поводом для обвинения в заговоре, измене, в связях с подозрительными лицами. Это было одинаково опасным как для того, кто вел записи, так и для того, о ком в них было упомянуто. Поэтому почти до 60-х годов большинство людей настоящих записных книжек с фамилиями и адресами не вели. Но Эмма в то время одиночества вела дневник, который спустя годы, в 1989 г., был передан одному из знакомых и привезен в Польшу.

Во время войны моя бабушка чуть не умерла, она потеряла тогда все зубы. Ей было всего 37 лет.

Как я уже говорила, она не любила профессию бухгалтера, поэтому довольно часто меняла место работы. После войны она получила место на большом мясо-молочном комбинате. Она ненавидела скучную бухгалтерскую работу и в конце концов бросила ее. Но до пенсии ей еще оставалось несколько лет. Тогда кто-то из знакомых актеров дал ей рекомендацию, и она устроилась домработницей. Она работала за гроши, но получала бесплатно стол и жилье, а самое главное — была относительно независимой. Хозяева не часто бывали дома и кроме того очень бабушку уважали, поэтому она жила спокойно. Потом бабушка перешла в другой дом. Это были сатирики Слободской и Дыховичный. Как раз пребывание бабушки в доме Дыховичных я запомнила лично. Советская власть построила для лояльных представителей культуры поселок с роскошными дачами в Красной Пахре. Прекрасная местность, река, лес, и всё это в каких-нибудь 30 километрах от Москвы. Обязанностью бабушки было сторожить дачу, а когда приезжали хозяева — готовить, подавать на стол, стирать, убирать и топить печь. Летом хозяева часто принимали гостей, но зимой в большом двухэтажном доме жила только моя бабушка. Тогда-то она меня, маленькую девочку, забирала к себе, и мы вместе с ней проводили долгие недели в этом доме, заваленном снегом по самую крышу, сидя возле топившейся печки. Бабушка прекрасно готовила, а у своего отца она научилась многим вещам, которые были бесполезны в жизни рядовых граждан, но оченьгодились в обслуживании элиты, например резать лосося (вдоль тушки) тонкими ломтиками или готовить суп из крабов. Но я запомнила самые простые ее блюда. Я обожала ее оладушки прямо со сковороды и томатный суп. Иногда мы выбирались в заснеженный лес. По вечерам бабушка рассказывала мне сказки, пела колыбельные. Уже тогда меня интересовало мое происхождение, я просила учить меня польскому языку. Она иногда читала мне по-польски стишки для детей, из которых я воспринимала только загадочную интонацию языка. Но о настоящем изучении польского не

могло быть и речи. Она никак не хотела обучать меня. Было в ней какое-то внутреннее сопротивление.

Мои родители поженились в 1953 г., когда моя мать училась на последнем курсе Историко-архивного института. Мама вместе со мной переехала в квартиру своей матери. Но наши контакты с бабушкой Эммой не прерывались. Тогда она уже заработала себе пенсию; иногда она забирала меня к себе, бывало, я оставалась и пожить у нее. Случалось, что к ней заезжали и гости из Польши. Она встречалась с друзьями-поляками, которые, как и она, пережили репрессии и остались в Москве. Тогда они говорили по-польски. Бабушка несколько раз побывала в Польше — гостила у подруг в Варшаве, один раз проехала почти всю Польшу, даже посетила Тьмелев, в котором родился Томаш. Я спросила ее, почему она не навестила его сестер — они по-прежнему жили в их старом доме. Она ответила тогда: «А что я могла бы им сказать? Томаша нет в живых, нашего сыночка Чесика тоже... Зачем?»

Пенсия у бабушки была очень маленькой, а она любила путешествовать. Вместе с подругами, такими же, как она сама, пожилыми дамами, она ездила на разные экскурсии, посещая самые интересные уголки России. Поэтому она снова пошла работать, на сей раз уборщицей в поликлинику.

Подрабатывая уборщицей, бабушка скопила денег и забрала меня, тогда 14-летнюю девочку, в Ригу. Там она родилась, там много лет жил ее дядя по матери Виктор Кочан-Кочановский с семьей.

Последний раз бабушка собиралась поехать в Польшу вместе со мной, но меня, естественно, не выпустили. Начинались события, которые привели впоследствии к военному положению, но мы об этом еще не подозревали. У Эммы были две очень близкие подруги. Они познакомились в Польском рабочем клубе, это были две сестры. Обе они в конце 20-х годов приехали в Москву, а вернее бежали из Польши.

Бабушку начало подводить здоровье. Случалось, что она часами плутала по городу, так как страдала провалами памяти. Мы решили поселиться вместе. И бабушка дождалась: польский язык, ее родной язык, оказался очень нужен. Я тогда решила попытаться выбраться в Польшу, но польского не знала. Я пыталась уговорить бабушку подучить меня, но она очень сопротивлялась. Тогда я хитростью заставила ее заняться моим обучением. Я садилась в ее комнате, брала какую-нибудь польскую книгу и начинала читать вслух. Это было чудовищно, ибо я понятия не имела, как надо выговаривать слова. Бабушка

в конце концов не выдержала и начала поправлять мое произношение. А теперь моя дочь, студентка Варшавского университета, считает этот язык своим родным. Если бы бабушка Эмма знала об этом, она бы обрадовалась — открыто и без сомнений.

Несмотря на то что высшего образования у бабушки не было, она живо интересовалась культурой. В ее доме я впервые прочитала Солженицына и Булгакова, познакомилась с песнями Булата Окуджавы. Культура Польши всегда присутствовала в жизни моей бабушки. Оторванная от польской среды, она не могла ориентироваться в текущей ситуации. Речь тут идет даже не о политических событиях, а об обычной, повседневной жизни поляков, что для нее имело самое большое значение. Ей хотелось знать, чем живет страна. Контакты с этой жизнью у нее были очень ограничены, поэтому она испытывала чувство неудовлетворенности. Несколько исправить такое положение можно было бы с помощью литературы, но с этим — то как раз и была проблема. Бабушка обожала книги, но никогда не делала их ни фетиша, ни впрочем, она вообще не привязывалась к вещам. Естественно, в ее доме была какая-никакая польская классика, и она ее хорошо знала, ведь, работая в библиотеке Польского клуба, она имела неограниченный доступ к самому лучшему. Со временем ее вкусы изменились, теперь ей хотелось читать более легкие вещи. Ей ужасно не хватало современной популярной польской литературы, пусть бы даже это было безыскусное чтиво для домохозяек.

Эмилия Коженёвская умерла в ночь с 12 на 13 сентября 1993 года.

Февраль 1991, Варшава — 30 сентября 2010 г. Flins s/Seine, Франция

Ольга Коженёвская родилась 5 декабря 1954 в Москве. Мать — Елена Коженёвская, историк, отец — Тадеуш Коженёвский, врач. В 1980 окончила Московское высшее художественное училище (Строгановское), получила диплом специалиста в области монументального искусства. Начинала художником на фарфоровом заводе в Ленинграде. В 1981 вышла замуж, в 1987 родила дочь Эльжбету. До 1991 жила в Москве, сотрудничала с фабриками фарфора и фаянса. В 1991 получила разрешение польских властей поселиться в Польше. Работала волонтером, помогающим старикам и больным. В 2003 ее муж получил польское гражданство, а вместе с этим и документы, разрешающие выезд из страны. Ольга присоединилась к нему через несколько лет. В настоящее время они живут во Франции.

ДНЕВНИК

21.III.38

Вновь «Ангел смерти» прошел около меня. Рене, который должен был жить у меня, он у меня снял угол, сегодня не пришел, несмотря на уговор. По-видимому арестован, так как только это могло задержать его, только это могло помешать. Жаль Славу! Каждый арест кого-либо из моих знакомых выбивает меня из колеи. Вновь убийственное настроение, не знаю куда спрятаться, куда убежать, чтобы не видеть, не слышать, а главное не ощущать арестов. Но видимо убежать невозможно. Мы как кролики в клетке удава, и каждый миг кого-то не хватает, и чувствуешь, как круг сужается и сужается. Вначале только знакомые, потом друзья, потом муж и Витек тоже. Сейчас отец и Дуня. И так ежедневно кто-то исчезает и исчезает, и уже из всех моих близких родственников осталась я одна. Хоть бы не разлучили с детьми, пусть берут и меня, но вместе с ребятами, но я ведь знаю, что их от меня отнимут. А стоит мне об этом подумать, и мне становится дурно. За что эта жестокость? Что за варварство, так бесчеловечно мучить людей, совершенно ни в чем не повинных. Чего добиваются? Восстания? Ведь берут стариков, больных, молодежь, матерей отрывают от детей. Ну чем, например, виноват мой отец? Рабочий. С 8 ми лет он работал на фабрике и всю жизнь кроме водки он ничего не видел, а на водку сам зарабатывал, не воровал, ему хватало. Или Дуня? Ведь кроме кур, поросят и отца она же ничего не видела. А Ирена, Здися? Чем они виноваты? И могло ли быть такое количество недовольных, активных врагов и все оставаться без изменений.

Наверное нигде и никогда в истории человечества еще не было случаев такой жестокости. Такой рафинированной муки. А этот вечный страх, ведь он доводит людей до сумасшествия. Что с Зохой?

25.III.38.

Я хочу чтобы эти записки кто-нибудь прочел, чтобы когда-нибудь их использовали. Кто это будет мне все равно, пусть только внимательно прочтет и использует.

Начну с начала:

Аресты среди поляков начались приблизительно с декабря 1936 г. Помню, что 20 декабря мы узнали в клубе об аресте Маковского. Большинство из нас не любило Маковского за то, что, будучи председателем правления клуба, он вносил в работу клуба какую-то струю недоверия, все ему казались подозрительными. Потом этот разгром сатиры, нанесенный Домским, когда вещь, написанную на чисто клубные, внутренние недостатки, свели к политической сатире на существующий строй. Домскому, которого очень любили в студии, припомнили его троцкистские отклонения, и в общем в дружном коллективе студии возникли сомнения, неуверенность в своей дальнейшей судьбе, развал в работе. Поэтому арест «врага», как мы тогда думали, нас очень обрадовал, и мы решили, что дальше все опять пойдет хорошо. Но одновременно с Маковским арестовали Фокшанского, ничем не примечательного, и Висляка, крупного политического деятеля. Арест этих двух был непонятен. Но мы усиленно старались найти у них вину, предполагалось, что Фокшанского взяли из-за жены, к которой из-за границы приезжала сестра, и, по-видимому, там было что-то предосудительное, а может и говорили что-нибудь лишнее. А кроме того и Ярский с Маковским по злобе могли что-нибудь наболтать на Фокшанского, ведь им все казались подозрительными.

Арест Висляка объясняли уклонами в партии, но наверное никто ничего не знал. Затем арестовали Янковского, и это было совсем непонятно, так как все мы знали, что Янковский работал в НКВД в качестве агента-осведомителя. И вдруг его арест? Но так как он был порядочной дрянью, никто его не жалел, каждый только думал, что будет с его женой? Ведь она в положении, и второму ребенку уже 10 лет, а она не работает. Как она будет жить? А потом Ярский и Варнас. Это вызвало бурную радость, мы чувствовали как бы праздник, наконец восторжествовала справедливость, «враги», мешающие развитию клубной, политической и культурной жизни среди поляков, убраны. Но это была последняя радость. Так как вскоре пошли туда же такие как Здырский, Будзынский, Уншлихт. Я уже не помню, кто из них раньше, кто позднее. Помню только, что это начало вызывать тревогу. Что это творится? Затем Морштын, Каменецкая, Домбаль, ведь это все руководство польской секции Коминтерна. Одна за другой приходили известия об арестах и это уже начало ужасать. Но вот приходит Стаха и говорит, что арестован Жук и Стальковский, наши бывшие соседи, стараемся объяснить, найти вину. А вот и еще более близкие и болезненные аресты — это Рыхлевский, Моравский, Карвовский. Сейчас уже и мы с Томи начинаем ежедневно ждать, это ежедневное ожидание было настолько

мучительно, что в душе уже я начала думать, что, если должны взять и Томи, пусть это будет быстрее, потому что это постоянное ожидание и напряжение становится уже невыносимым.

Томи тем временем усиленно выискивает причины арестов, чтобы таким образом получить уверенность, что его не возьмут, ведь не за что!

8.VIII.38.

Завтра исполнится 11 месяцев со времени ареста Томи. Почти год. А сколько переживаний. Томи как в воду канул. Ни письма, ни известий — где он?

17.VIII.[38]

Взяли Зоху. Дети с домработницей в деревне, что с ними будет — неизвестно. Предупредила Тадека, что если со мной что-нибудь случится, т.е. если меня возьмут, пусть следит, чтобы Чесик не потерялся, чтобы можно было его когда-нибудь найти. Записала ему адреса всех знакомых, чтобы писал, где они будут. Сумасшедшее время. Сейчас дети в деревне, а я живу и не знаю, чего хочу, к чему стремиться. Ничто меня не радует. О завтрашнем дне просто не думаю, боюсь. Часто думаю о самоубийстве.

Тогда даже детей не жалко. Может, государство их лучше воспитает чем я. Не знаю, что будет дальше. Думаю, что эти мысли о самоубийстве — результат огромного запаса творческой энергии, который ни к чему не могу применить. Безумно хочу в театр, но там меня не примут. Хотела бы творить, но не знаю, что и как, и условий для этого нет. Очень тоскую по сцене, но двери театра для меня никогда не откроются. Иногда я даже хочу, чтобы меня арестовали, потому что и на «свободе» я не чувствую себя свободной.

Перспективы полуголодного существования меня не привлекают. Работа, которая у меня сейчас, а именно счетовод, меня не удовлетворяет ни морально, ни материально. Как-то даже проблеска светлого не вижу. Личная жизнь тоже как-то кажется мне черной.

Никто меня не интересует, просто даже боюсь мужчин. Стараюсь так держаться, чтобы никто меня не затрагивал. Я знаю, что еще могу быть нужной кому-нибудь в кровати, а этого я не хочу.

10.VIII.38.

В Манчжурии война. Японцы бьются с советскими войсками. Пока нас это не касается, но что будет дальше, не знаю. Боюсь, что вскоре может быть бой и на западных границах. Я и боюсь этого и хочу. Я хочу поражения страны, в которой живу, может с чужой помощью можно будет освободиться от господства «нашего отца». Ведь худшей неволи, чем сейчас, не может быть, и в конце-концов не все-ли равно, чья нагайка будет гулять по моей спине, своя или чужая, разница небольшая, но есть надежда, что, может быть, если народ получит оружие в свои руки, он сумеет освободиться от тирании «отца» и вообще от любого господства.

Террор просто душит сейчас.

Люди глупеют, сходят с ума, занимаются проституцией, пьянствуют, делают тысячи других вещей, чтобы только освободиться от мысли, что будет со мной завтра. Сегодня была у Эдит, и она мне рассказала случай. Одна женщина, еще очень молодая, лет 24-25, после ареста мужа, осталась с двумя детьми, их выселили из квартиры, так как она жила в доме Наркомтяжпрома. Вначале все эти несчастья вызвали в ней симптомы сумасшествия, ее даже в сумасшедший дом должны были отправить, но потом она как будто успокоилась, а сейчас у нее что-то с сердцем и она умирает, и дети останутся не только без отца, но и без матери. Кажется, что на венгеров все эти аресты действовали как мор, как пожары, как самое большое стихийное бедствие. Они совершенно потеряли ощущение жизни, у них ничего не осталось, кроме одной идеи — узнать, где их близкие, что с ними. Эта тоска, это безумие и боль выражаются в опущенности всего организма, в голове одна мысль «за что?» Все время они вспоминают прошлое, говорят о том, какие люди их близкие и что будет дальше. И помимо всего они лучше всех остальных устраиваются с работой, например Эдит получает 325 рубл., детей отправила в деревню к сестре и за 100 руб. в месяц пустила к себе жиличку и всё носит. А я после ареста Томи должна была уволиться из библиотеки, 1,1/2 месяца была совсем без работы. Работала и штамповщицей, и курьером, и фасовщицей, словом 3 месяца зарабатывала по 140 руб. в месяц, а было еще меньше, да и сейчас зарабатываю только 200 руб. в мес. А способности у меня не меньше, чем у Эдит, и работник я не хуже ее, но это сволочное самолюбие и амбиции в прорванных сапогах не позволяют, видите ли, просить и унижаться перед кем бы то ни было. Вот и работаю как глупый вол за гроши. Трудно, такой уже из меня человек, чего сама не сделаю, того уже не буду иметь.

4.IX.38.

Сегодня Тадеку исполнилось 10 лет. 10 лет тому назад, когда Тадек родился, у меня было столько надежд на счастье, на будущность. Все дороги, казалось, были открыты передо мной. Я была молода, мне было 22 года, здорова, способна и счастлива. Я любила Витка, и, думаю, он меня тоже любил. Ребенка мы ждали с нетерпением. Витек так радовался, что у него будет сын. Мы почему-то все время были уверены, что будет сын.

А что получилось? Витка уже нет среди нас (арест можно считать смертью). И вообще Витек оказался не тем, за кого я его принимала. Но порой я не уверена, хорошо ли поступила, когда разошлась с ним? Конечно Витек юношеских лет, Витек первых лет нашей совместной жизни был другим, и мне жаль, что я не живу с ним. Но стоит мне вспомнить Витка позднейшего периода нашей совместной жизни, с его эгоизмом, с его вечным прислушиванием к себе, его болезни, с которыми он вечно носился и преувеличивал, не видя ничего и никого вокруг. Мне порой даже кажется, что души у него не было совсем. Конечно, позднее он отшлифовался, стал более начитанным и остроумным, но холодным и бездушным. И это меня пугало, с таким Витком я уже не хотела бы жить. У Томи характер был намного лучше и значительно больше тепла и сердечности, хотя и меньше интеллигенции [ума, интеллекта. — Ред.] и развития. Томи мог быть порой даже плаксивым. Он так тосковал, если я даже на несколько часов уезжала куда-нибудь без него и вообще был очень привязан ко мне. Воображаю как сильно он теперь тоскует без Чесика. Если бы Томи был дома, Чех был бы в центре внимания всего дома, обласкан и ухожен со всех сторон, а сейчас бедный ребенок, должен быть совершенно один среди чужих незнакомых людей, такая кроха, должен сам о себе заботиться. Мне так безумно его жаль. Завтра поеду и привезу его домой. Я никогда не думаю о том, что увижусь еще с Томи. Былое счастье и относительный покой — все в прошлом. Будущность не манит уже призраком личного счастья, я знаю, что никогда уже его у меня не будет. Слава, Эдит, Стаха, а может и другие надеются выйти замуж еще раз, надеются встретить в жизни человека, который даст им это счастье, у меня таких надежд нет, так как я знаю, что в ближайшем будущем этого не будет, а потом тем более. Сейчас я уже не поверю, что кто-то сможет настолько влюбиться в меня, что забудет о том, что у меня двое детей от разных отцов и захочет быть им отцом. Ведь это было бы утопией, таких людей нет. Я прекрасно знаю, что значит муж и не отец, и не знаю, смогла ли бы я жить с человеком, если на первый план он будет выдвигать меня, а не детей. Я конечно не

знаю, нашелся ли бы человек, вообще захотел бы как-то выдвигать меня. Не знаю, сумел ли бы кто-либо еще так полюбить меня, чтобы жениться на мне, а брать себе только жильца я уже не смогла бы. Привыкать к человеку, к его характеру, привычкам, капризам, желаниям — очень тяжело, и я даже не хочу, потому что ничего это мне не даст. Даже материально не знаю, было ли бы мне легче. Итак, замужество меня не манит и не привлекает. Любовник? Тоже нет у меня для этого ни данных, ни желания, ни возможностей. Прежде всего я боюсь новых людей, всегда думаю, что просто хотят использовать и обмануть меня. Я не верю в собственные силы. А в общем ведь я даже наверное знаю, что это так. Взять хотя бы Х, ведь когда его жены не было в Москве, т.е. когда ему нужна была женщина, он не боялся приходить сюда и к Славе, по несколько раз в день звонил по телефону. А сейчас, когда вернулась жена, найдет тысячи отговорок, чтобы не быть со мной. Может быть, если бы я боролась за него, принимала бы какие-то шаги в этом направлении, он нашел бы и для меня немного времени, но я этого не хочу и пока делать этого не буду. Что будет дальше, не знаю. Иногда мучительно тоскую о нем. Хочу его видеть, сказать, что люблю, что грустно мне без него, что о нем только думаю. А потом опять гордость поднимается во мне, и я знаю, что никогда ему этого не скажу, так как не знаю, стоит ли он этого.

6.IX.38.

Что мне делать? Ведь завтра только 7-ое, а у меня уже нет денег, мне хватило только на 4 дня моей зарплаты. Правда, из этого я заплатила 20 руб. за Чеха и привезла его домой, это все взяло 25 руб., а 75 руб. ушло на жизнь, т.е. по 15 руб. в день, на завтра у меня есть еще продукты и деньги. Значит, самое малое я должна зарабатывать минимум 450 руб. в месяц, чтобы мне хватило, а откуда их взять.

Даже две работы столько мне не дадут, а кроме того я чувствую, что на две работы у меня не хватит силы, ведь и сейчас, работая только на одной работе, я порой чувствую страшную усталость. Голова тогда бывает совершенной пустой. Ничего не могу делать, ни о чем не думаю, просто состояние какой-то апатии.

Даже думать боюсь, что будет дальше. Ничего, никаких перспектив, нужда, нужда и нужда. Смерть кажется мне желанным отдыхом, но я знаю, что не имею права даже думать об этом, что будет с детьми без меня. Чех сейчас чудесный, но я боюсь его характера.

Он очень живой, сообразительный и отзывчивый. Сегодня у Тадека из носа пошла кровь, я взяла перекись, чтобы задержать кровь. Чех как увидел, что я велела Тадеку лечь и начала всовывать Тадеку в нос вату, стал бить меня, нервничать, отталкивать от Тадека, полагая, что я обижаю Тадека. А когда увидел кровь на полу, начал бегать по комнате и так нервничать и плакать, что сразу напомнил мне Томи, который тоже совершенно не переносил вида крови.

Сегодня была с ним у Стефы Зорек, что он там выделявал, какие гримасы строил перед зеркалом, наконец взял подушку, одел ее на голову и всё смотрелся в зеркало, хорошо ли ему. Слава его спрашивает, вкусен ли суп, и он отвечает «очень», совсем как взрослый. Но с кем он будет завтра до моего прихода — не знаю.

9.IX.[38]

Сегодня исполняется год со дня взятия Томи. Год тому назад был дождливый вечер. Я пришла с курсов (я училась тогда в медшколе), а у нас сидел Стефанус, друг Томи, с которым они вместе приехали из Канады, только Томи работал, а Стефанус учился и сейчас закончил Химический факультет МГУ, с отличием. Мы вместе попили чай, потом Томи как обычно лег спать, ему рано нужно было на работу, а мы со Стефанусом еще посидели немного, он рассказал мне, что работает в ВИЭМе, был чем-то расстроен, но так ничего и не сказал. Потом он ушел, а я села за уроки. Переписала всё в новые тетради и в первом часу ночи легла. Только уснула, слышу звонок. Знаю, что это к нам, но не хочу просыпаться, пусть они подождут, а я еще хоть минуту посплю, но звонок все время звонит, встала, зажгла свет. Томи спал и не просыпался. Накинула халат, вышла на кухню, открываю дверь, входит управдом и двое военных. Спрашивают, дома ли Томи. Спокойно приглашаю их войти, только сердце так стучит, кажется, всем слышно. Вхожу первая и бужу Томи, говорю, что пришли за ним.. Уже, только и сказал он, по-видимому, давно уже ждал их прихода. Вошли, спросили его фамилию и затем предъявили ему какую-то бумагу. Он прочел и говорит — ну что ж, я готов. Приказали ему одеваться, но, когда он потянулся за брюками, один из них быстро подскочил, снял брюки с вешалки и обыскал их и только после этого передал ему. Томи долго сидел на кровати в белье, без брюк, и чувствовалась его беспомощность, его бессилие что-либо изменить, и он знает, что что-то ужасное надвигается. Он попросил меня последний раз починить его брюки. Я начала что-то подшивать, но руки плохо слушались, и трудно было попасть иглой в нужное место. Мы не разговаривали, при таких

свидетелях ничего уже не скажешь, да и говорить как-то мы не могли. У дверей сидел нахохлившийся и сонный управдом. Пока я чинила брюки, Томи все еще сидел на кровати в белье и только много курил. Начали обыск, долго копались, шарили в бумагах в шкафчике, что-то откладывали, что они искали, не знаю. Потом Томи попросил у меня чаю, когда я хотела выйти на кухню, меня остановили, куда? Говорю: на кухню чайник вскипятить. Один из конвоиров пошел со мной, я разожгла примус и поставила чайник. Но чаю Тома выпил только один стакан и то с большим трудом. Проснулись Паша и Тадек, но Тадек ничего не говорил, только смотрел на всё широко открытыми глазками. Потом заплакал Чех, Паша взяла его на руки, начала забавлять, и он так развеселился, стал смеяться. Для Томи это было не под силу, и он попросил меня, чтобы я уложила его спать. Томи к нему даже не подошел, очевидно боялся, что не выдержит. Бессмысленные поиски чего-то продолжались долго, долго, целых три часа, затем все было закончено. Начали писать протокол, подписали Томи, они и управдом, потом управдома отпустили и один из них пошел звонить насчет машины, а я начала собирать вещи для Томи. Дала ему шерстяное одеяло, из под головы Чесика вытащила маленькую подушку, две пары белья, полотенце, простынь, мыло, зубной порошок и щетку, щетку отдала свою, она была новее, а его осталась дома. И опять долго ждали машину, я даже плакать начала, но Томи стал просить, чтобы я перестала, он всегда видеть не мог моих слез. Я взяла себя в руки и при нем больше не плакала. Только конвоирам сказала, что паршивая у них работа, берут вот так ни в чем не повинных людей. На это один из них мне ответил «а нам все равно, ведь нам за это деньги платят». Томи стал рассказывать, как его арестовывали в Польше, но там, говорил он, я чувствовал гордость от того, что меня забирают, потому что я знал, что, если меня встретит кто-либо, когда поведут в тюрьму под конвоем, каждый подумает: вот это порядочный и смелый человек, он за нас боролся, а если здесь кто увидит, скажут «вот дрянь». А за что?

На дворе уже совсем рассвело. Приехала наконец машина, было уже около 8 часов утра. Томи страшно нервничал, выкурил все папиросы, осталась только одна папироса, и он не знал, что делать, но один из конвоиров успокоил его, сказав, что там он сможет купить...

Томи начал прощаться, поцеловал Тадека, Ческа, подошел ко мне, помню это крепкое объятие, помню, что я также крепко прижалась к нему, но только на одну секунду, так как он тут же снял свои руки с моих плеч и пошел прощаться с Пашей. Ничего, ни слова мы не сказали больше друг другу. Томи взял

вещи и пошел. Я выбежала за ним, видела, как он шел по двору, впереди солдат и сзади солдат, а он посреди с опущенной головой. Сел в обычную легковую машину, и они уехали.

Вот уже год прошел с тех пор, и ничего я о нем не знаю. Пропал человек. Где он, что с ним? Ничего не знаю. Жив ли, а может, уже умер? А мне когда было тяжелей, тогда или теперь, даже не знаю. Тогда была еще надежда, что все выяснится, и Томи еще вернется, и я с детьми как-то проживу. Сейчас у меня нет этих надежд, предо мной все черно, и самое скверное это то, что я начинаю плохо себя чувствовать, здоровье ухудшается. Иногда я так устаю, что просто мечтаю уже о том, что бы все это наконец закончилось, смертью или арестом, все равно, только бы не чувствовать этой огромной ответственности перед детьми и за детей, но видимо это тоже входит в программу их мучений.

В публикуемом тексте исправлены немногочисленные орфографические и пунктуационные ошибки автора.

Из книги «СТИХИ О ПАРИКМАХЕРАХ»

КАРТОГРАФИЯ

Словно какой-то Марко Поло
из перенаселенного Жирардова,
сверлю силой мысли
свод черепа,
мечтая о скором воссоединении
с равнодушной природой,
без которого не только
нормальной карты не нарисуешь —
даже ботинок не купить.
Сверлю, очевидно,
не там, где надо,
потому что не в состоянии
вспомнить, на котором носке
у меня дырка. Я не могу
попросить второй ботинок,
не примерив первого.
Не могу снять правый ботинок,
если левый носок в порядке.
Покупатель справа примеряет четвертую пару.
Покупатель справа — этот тот покупатель,
что справа. Я хочу остаться здесь

и пялиться на большие сиськи,
которые перепали мне вместе с ботинком.

Я хочу найти место, где можно
примерить правую большую сиську.

Я хочу совладать с дырявым миром,
прежде чем глаза над сиськами
скажут, мол, сверлишь взглядом
не там, где надо.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ КАРЛОС

Чуваки, легендарный Карлос
жив. Целый час

он сидит на автобусной
остановке на улице

Коперника,
который уж точно помер.

У него польский
паспорт,
выданный на имя некоего

Дарека Фокса, и загранпаспорт
на то же имя.

Документы краденые.

Кроме того, у него при себе
перо, которое он пустит в дело,
если попросим,
и толстенная тетрадка в линейку,
исписанная еще не проявившимися

чернилами.

По нашим расчетам, он сядет
в «семерку», ведь только
«семерка» может отвезти его
к этой его Майнхоф,
которую он называет Кукушкой,
Мальвинкой и Львенком.
Наши люди, одетые
в форму контролеров,
подсядут на следующей остановке
и обуют легендарного Карлоса
на какие-то два или три столбика.
Вызывайте скорую.

САРАЕВО В ОГНЕ

Подсел ты на эту войну,
что ли?
А мне казалось, что моя любовь
к надписям на корешках книг
никогда не угаснет. Франц
Кафка догорает в углу,
на полу. Ты все подмечаешь,
ты немного начитан и весьма плутоват,
и вообще производишь впечатление. Франц
Кафка сам об этом просил. Но
зачем ты выстрелил в Джойса?
Джеймса Джойса. Тебе это в кайф.

Еще пара таких выстрелов,
и я начну угадывать, кто будет
следующим. Передо мной одна
из величайших революций
в прозе XX века; за моей спиной
не слишком толстая стена; надо мной,
очевидно, узкий карниз;
да и сам я не из породы
толстокожих. Я надеюсь,
что около тебя не крутится
некий проныра с базукой,
которого можно поймать за руку
и спровоцировать
словами: «Видишь вон то окно?
Я ему показал, у кого он списывал,
а теперь ты ему покажи,
как кончается литература».

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ТРУДА

Великий Инструктор, не сказал ли ты
ей случайно, что нужно сделать,
чтобы растормошить поэта 90-х годов?
Она не ошиблась с формулировкой:
«Если у тебя вон тут что-нибудь есть, ты знаешь,
что написать». Палец уперся мне в сердце
и в башку. Обрати внимание на очередность,
Великий Инструктор. Ты меня втравил:

я плетусь, словно грузовик, набитый свиньями;
руки немеют, когда я слышу их визг;
если так пойдет дальше, я собьюсь с пути
и стану мясником. Великий Инструктор,
перестань впустую трепать языком,
попробуй собраться с мыслями, и просвети тех,
кто вырубает деревья, а то они доели свой завтрак
и теперь ломают голову, что им выпить.

ИРОНИСТ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

В годы своего дебюта на исходе 80-х поэт и прозаик Дарек Фокс (1966) был связан с кругами, близкими к неподцензурному журналу «бруЛион» («черНовик»), но то были довольно свободные связи. Фокс — поэт, который с самого начала был настроен как к действительности, так и к литературе по-особому — иронично. Он не боится мимоходом привести в стихотворении услышанное где-то мнение, что «язык племени с Вислы перестанет жить через сотню лет», хотя, если вспомнить о судьбе латыни, на которой писали Гораций и Овидий, подобное утверждение выглядит не столь уж шокирующим, каким могло бы показаться. Но ведь такая мысль выстраивает дистанцию по отношению к языку, а также к собственной судьбе, вплетенной в игру повседневных эпизодов, которые Фокс умеет наблюдать необычайно внимательно. Это видно уже в первых его разрозненных публикациях, а также в дебютном сборнике «Стихи о парикмахерах» (1994). В отличие от большинства польских поэтов Фокс умеет быть просто остроумным, строить парадоксальные ситуации, играть значениями слов, лукаво использовать стереотипы и избитые фразы, в т.ч. те, которые определяют собой историческую традицию — как, например, в тексте «Что делает связная» (2006), родившемся в сотрудничестве с одним из самых выдающихся художников этого поколения, Збигневом Либерой. В какой-то мере мы имеем дело с забавным развлечением или скорее с игрой, ставка которой — собственная идентичность.

Л. Ш.

Я ВИДЕЛ, КАК ДО ЭТОГО ДОШЛО

«Ничто заранее не вписано в действительность интегрально... Человек может изменить обстоятельства, которые он застал», — писал много лет назад польский историк Витольд Куля. События, потрясшие коммунистическую систему в 80-е годы, вовсе не были обязательными. Они могли не случиться. Рейгану не было предназначено завершить «холодную войну», да и в 1980 г. дело могло не дойти до Гданьского соглашения.

Рейган мог поступить благоразумно и в соответствии с рекомендациями своих советников согласиться на какой-нибудь компромисс с Горбачевым вместо того, чтобы в 1986 г. эмоционально сорвать переговоры в Рейкьявике. Этот разрыв в сочетании с американским шантажом «звездными войнами» обнажил слабость Советского Союза, оказавшегося не в состоянии выдержать гонку вооружений, и тем самым «холодная война» подошла к концу, а СССР перестал быть для американцев равноценным противником. В результате дошло до разрядки напряженности и до открытия стран советской империи к остальному миру.

Аналогично, в 1980 г. отнюдь не обязательно должна была возникнуть брешь в коммунистической системе, когда руководство польской компартии согласилось на договоренность с бастующими рабочими и на создание независимого профсоюза, численность которого за несколько месяцев перевалила за 9 млн. членов. Вовсе не наверняка должно было дойти до этого соглашения и до возникновения «Солидарности», а ленинизм в Польше, равно как и в соседних странах, мог упорно держаться и гнить еще много лет.

Среди нескольких существенных причин интенсивности общественного протеста и ставшего его следствием Гданьского соглашения нужно принять во внимание растущие запросы и чаяния молодых рабочих при одновременном кризисе коммунистической экономики и ее зависимости от сотрудничества с Западом. Сила протеста опиралась на польские демократические и национально-освободительные традиции, глушившиеся, однако, и подавлявшиеся ленинской системой. Их поддерживала католическая Церковь, которой удалось защитить определенную независимость от партии. Избрание в 1978 г. Папой Римским поляка не имело немедленных последствий, хотя советские товарищи горько

попрекали польское партийное руководство, что «самый глупый царский губернатор не допустил бы такого умного ксендза, как Кароль Войтыла, стать епископом». Это стало, однако, национальным потрясением: впервые со времен восстановления независимости в 1918–1920 гг. поляки ощутили себя победителями, набрались чувства собственной ценности и благодаря этому — смелости. Для ленинской системы, основанной на запугивании, это было опасно. Паломничество Иоанна Павла II в Польшу в 1979 г. укрепило возникшее чувство, так как Папу демонстративно приветствовали манифестациями сотни тысяч людей.

Однако всё это не нашло бы отражения в общественной активности, если бы не поразительные результаты сотрудничества активных интеллигентских кругов с рабочими. До 70-х годов ничего подобного в Польше не было, да и в других странах советского блока такое явление не наблюдалось в сколько-нибудь широких масштабах. Вторая Мировая война в большой степени уничтожила польскую интеллигенцию руками как немцев, так и НКВД. А прикончила ее гражданская война 1945–1948 гг. и переход власти к коммунистам, которые изгоняли недобитые остатки интеллигенции из администрации, экономики и образования. Заново создаваемый слой интеллигенции в значительной степени совпадал с номенклатурой. Лишь медленно и постепенно, после новых общественных протестов в 1956, 1968 и 1970 гг., наряду с опытом рабочих формировались новые традиции и новые круги интеллигенции — движение дискуссионных клубов 1956–1962 гг., левые «командосы» 1965–1968 гг., а также католические клубы и некоторые приходы.

70-е годы — это усиленная «гонка созревания классового сознания» рабочих, с одной стороны, и партийной номенклатуры — с другой (определение партийного журналиста Кшиштофа Волицкого). С 1970 г. первый секретарь компартии Эдвард Герек старался поднять жизненный уровень населения. Для этого он брал кредиты на Западе. Доходы выросли за десятилетие в среднем на 60%, но у номенклатуры и некоторых лучше оплачиваемых групп трудящихся они увеличились на 100–150%, тогда как у остальных — только на 20–40%, что привело к сильному натиску на зарплаты и различные общественные привилегии. В течение всего этого десятилетия было в связи с этим зафиксировано около тысячи стачек и других акций протеста, часто довольно эффективных, хотя общественное мнение, как правило, о них не знало. Кровавый опыт рабочих волнений в Познани в 1956 г., на Балтийском побережье в 1970 м, а также в Радоме и Урсусе в

1976 м, но особенно последовавшие за ними суровые репрессии и судебные приговоры сформировали сознание необходимости «осторожного протеста». Этому опыту отвечал известный призыв Яцека Куроня: «Не жгите [партийные] комитеты, создавайте свои!»

Куронь был известен опубликованным в 1964 г. совместно с Каролем Модзелевским «Открытым письмом к членам партии», где они требовали радикальных изменений общественного строя, так чтобы ограничить партийную бюрократию и ввести рабочее народовластие. Идейно-политическая программа этого письма была антизападной и утопической. Его значение состояло, однако, не столько в критиковавшейся многими программной ценности — как пишет историк Анджей Фришке, самым важным стал тот факт, что два человека отважились безжалостно описать природу системы, призвать к бунту и сделать это под своими именами.

Письмо породило широкое эхо в стране и за рубежом. Обоих авторов приговорили к тюремному заключению, но и после отбытия наказания Куронь продолжил общественную деятельность. Его снова посадили в тюрьму, а после суровых репрессий в связи с рабочими протестами в Радоме он вместе с другими основал в сентябре 1976 г. Комитет защиты рабочих (по польскому сокращению — КОР). Эти протесты были вызваны значительным повышением цен на продукты, вслед за которым дело дошло до уличных беспорядков. Ведущими деятелями КОРа наряду с Куронем были: Ян Юзеф Липский, известный организацией протестов против цензуры; проф. Эдвард Липинский, выдающийся экономист, бывший председатель Польского экономического общества; адвокат Анеля Стейнсберг и известный католический духовный пастырь, свящ. Ян Зея. Позднее к Комитету присоединились Адам Михник и Лешек Колаковский. В идеологическом плане КОР был скорее лево-либеральным. КОРу помогали многочисленные юристы и студенты, особенно из числа бывших «командосов», а также из католических кругов. Они занимались организацией сбора денег, собрали сведения примерно о тысяче репрессированных, помогали 600 семьям, предоставляли юридическую помощь всем обвиняемым, оповещали западные радиостанции и общественное мнение о судебных процессах. Такие акции осторожно поддерживала Церковь, и удалось достигнуть значительных успехов, в том числе амнистии.

Вскоре после этого возникло более традиционное национально-освободительное Движение защиты прав человека и

гражданина (по польскому сокращению — РОПЧиО), которое возглавляли Анджей Чума, Лешек Мочульский и Войцех Зембинский. Оба комитета запустили издание независимых журналов: КОР — «Глос» («Голос»), «Пульс», «Республика» («Республика»), «Плацувка» («Пост»), РОПЧиО — «Опинья» («Мнение») и «Господаж» («Хозяин», для деревни). В 1977 г. начал выходить «Роботник» («Рабочий») — журнал, продолжавший традиции изданий Польской социалистической партии (ППС) 80 летней давности. Он начал с тиража в 3000 экз., чтобы в 1980 г. достичь 60 тысяч. Его редакцию возглавляла Хелена Лучиво. Журналу предстояло сыграть большую роль в пробуждении общественного сознания как в рабочих, так и интеллигентских кругах.

Органы ГБ непрестанно вели слежку за людьми из КОР и РОПЧиО, не давали им покоя, подвергали повторяющимся арестам на 48 часов и конфисковали неподцензурные публикации. Они также назначали штрафы, но судебных процессов в общем-то не было: власти не хотели иметь политзаключенных, чтобы не портить свое сотрудничество с Западом.

В 1978 г. возникли первые комитеты Свободных профсоюзов (СПС). На Балтийском побережье их создали Кшиштоф Вышковский, Анджей Гвязда, Анна Валентинович и Лех Валенса; в Силезии, в Катовице, — Казимеж Свитонь. Они поддерживали постоянный контакт с КОРом. Обе группы были немногочисленны, но благодаря неподцензурной прессе на крупных предприятиях знали об их существовании. Кроме того, проводились встречи и собрания, например, в годовщины рабочих протестов и в традиционные национальные праздники.

Важной инициативой двух журналистов: Стефана Братковского и Богдана Готовского, — в которой принимал участие и я, было создание в 1978 г. группы «Опыт и будущее» (польское сокращение — ДиП), куда на первых порах входили десять человек из кругов партийной, независимой и католической интеллигенции. Подхватив клубную традицию 1956–1962 гг., они предлагали развернуть большую дискуссию о реформировании страны. ДиП составил в 1978–1982 гг. четыре доклада о состоянии государства. Группа действовала нелегально, но открыто. Доклады опирались на анкеты-опросы, распространявшиеся поначалу среди ста, а позднее — среди полутораста интеллигентов, включая экспертов. Значительное их большинство присылало ответы на опросные листы, и на основании таких высказываний разрабатывались итоговые

доклады. Их немедленно передавали руководству партии и правительства, а также различным авторитетным общественным фигурам, в первую очередь — Папе Римскому и кардиналу-примасу. Кроме того, доклады печатались и распространялись неподцензурно. Первая работа (1979) называлась «Доклад о состоянии Речи Посполитой и о путях, ведущих к ее улучшению». Документ продолжал традиции знаменитого трактата А.Ф.Моджевского «De Republica Emendanda» («Об исправлении Речи Посполитой», XVI век).

В 1980 г. экономическое положение ухудшилось. ВВП падал уже на протяжении двух лет. Росла и внешняя задолженность. В результате поднимались цены, и это усугубляло общественное недовольство. Прошло несколько крупных забастовок в Лодзи, Люблине и Варшаве, кончавшихся определенными уступками властей. В Люблине выдвигались требования о реформе профсоюзов. В Гданьске, невзирая на оживленную активность СПС и различных оппозиционных групп, забастовочной атмосферы не наблюдалось. Местная общественность уже десять лет была довольно — таки сильно запугана репрессиями после кровавого подавления забастовки и рабочих демонстраций в 1970 г. (тогда погибло не меньше нескольких десятков человек, было много раненых, несколько тысяч арестованных, осужденных или уволенных с работы). Живой оставалась и память про милицейские «тропинки здоровья», где рабочих прогоняли сквозь строй. О репрессиях распорядилось тогда политбюро, которое решило «наказать рабочих». Устраненный в тот момент из политбюро первый секретарь Владислав Гомулка говорил: «Некогда Польшу погубила дворянская анархия, а теперь ее губит анархия рабочая».

В итоге, однако, плодом памяти о репрессиях 1970–1971 гг. стала особенно массовая реакция рабочих на забастовку на крупной Гданьской судовой верфи им Ленина, вспыхнувшую 14 августа 1980 года. В течение нескольких дней к ней присоединилось свыше 400 предприятий со всего региона. Таким образом, это была всеобщая забастовка — вещь небывалая в ленинской системе. Полагаю, она стала еще и стихийным отражением памяти о терроре. Потому — то рабочие столь живо подхватили лозунг о свободных профсоюзах — как тогда говорилось: «Нельзя допустить, чтобы с нами сделали то, что было сделано десять лет назад». Непосредственной причиной забастовки стало увольнение с работы Анны Валентинович, 50 летней крановщицы родом с Волыни, проработавшей на верфи 30 лет и пользовавшейся авторитетом в коллективе. Она была одним из основателей СПС. Люди потребовали восстановить ее на работе;

кроме того были выдвинуты требования о повышении зарплаты, а также о возведении памятника судостроителям, убитым в 1970 году. Забастовку организовал Богдан Борусевич, историк, выпускник Люблинского католического университета, активно вовлеченный в деятельность СПС и КОРа. Ему помогли и студенты из умеренно правого Движения молодой Польши, которое основал Александр Халь. Они подготовили листовки и транспаранты. Назавтра их тайком пронесли на верфь трое 20 летних рабочих: Ежи Боровчак, Богдан Фельский и Людвик Прондзынский. Они были беспартийными, но из партийных семей. С помощью друзей молодые люди громкими криками созвали около 200 рабочих, которые собрались на главной площади. Постепенно, в течение двух часов, к ним присоединились другие отделы и службы.

В 10 часов на высокий подъемный кран поднялся директор судовой верфи Клеменс Гнех, но с другой стороны туда взобрался Лех Валенса, который только что перепрыгнул через ограду, — а коллеги из СПС назначили его руководителем забастовки. Это был 37 летний электрик, десять лет назад состоявший членом забастовочного комитета и давно уволенный с верфи, но известный ее рабочим. Валенса — несомненно, харизматический лидер — не дал директору говорить, объявил забастовку с занятием помещений, организовал выборы забастовочного комитета и стал его лидером. В субботу 16 августа власти согласились удовлетворить требования бастующих (восстановить на работе Валентинович, разрешить установку памятника), и через громкоговорители было объявлено о конце забастовки. Рабочие начали покидать верфь. И тогда произошло историческое событие. Несколько женщин: Анна Валентинович, Генрика Кшивонос, вагоновожатая, которая накануне начала забастовку городского транспорта, медсестра Алина Пеньковская — вместе с подругами стали кричать, что это измена, что другие предприятия присоединились к верфи, но их требования не удовлетворены. Валенса после минутного колебания согласился с ними, и вместе с инженером Гвяздой и партийным бригадиром с завода «Дальмор» в Гдыне Богданом Лисом они решили продолжать забастовку. Хотя большинство рабочих уже успело покинуть верфь, до конца этого дня и в течение всего воскресенья на верфь прибывали делегаты от ста с лишним предприятий. В итоге был образован Межзаводской забастовочный комитет (МЗК), а также президиум МЗК из 16 человек с Валенсой в качестве председателя, а Гвяздой и Лисом — его заместителей. Тогда же разработали знаменитое 21 требование, первое из которых касалось создания независимых профсоюзов. Следующие пункты говорили об освобождении

политзаключенных, свободном доступе к СМИ, об экономической реформе, уравнивании доступа к социальным услугам, а также о различных бытовых проблемах. В понедельник утром возвращавшийся на работу 15 тысячный трудовой коллектив присоединился к забастовке.

Власти немедленно приступили к переговорам с коллективами ряда крупных заводов, которые координировал вице-премьер Пыка, и многие из делегатов в МЗК пошли на эти переговоры. Однако через несколько дней все они вернулись на верфь. Ни одно сколько-нибудь крупное предприятие не нарушило рабочей солидарности.

Забастовка на Гданьской судовой верфи была хорошо организована. Команда Борусевича действовала четко и эффективно. Всё общество оказывало ей помощь, собирая денежные средства и доставляя питание для 15 с лишним тысяч человек. Соблюдался порядок, была исключена продажа спиртного. Представителем МЗК по связям с прессой стал известный кашубский писатель Лех Бондковский. Тиражом в 3000 экз. печатался информационный бюллетень «Солидарность». Были опубликованы и несколько сотен экземпляров второго доклада ДиП «Как выйти из этого?». Особое значение имело образование группы советников-экспертов. Редактор католического журнала «Вензь» («Узы», «Связь») Тадеуш Мазовецкий и историк Бронислав Геремек, минуя милицейские барьеры (дороги к Гданьску были заблокированы, а телефонная связь прервана), добрались на верфь, привезя письмо с поддержкой от 64 видных представителей варшавской интеллигенции. Лех Валенса сразу же предложил им создать группу экспертов. В ней оказался и я. Вместе с несколькими коллегами меня вызвали из Варшавы, и мы немедленно отправились в аэропорт, где нас вначале задержали, но через час разрешили вылететь в Гданьск. Группа наша насчитывала десять человек — юристов, экономистов, историков и социологов (в том числе четыре члена ДиП). Возглавлял ее Мазовецкий. Мы пригодились, так как 22 августа начались серьезные переговоры МЗК, состоявшего поровну из рабочих и технической интеллигенции, с вице-премьером Ягельским. Потому-то нам в качестве акта доброй воли позволили лететь в Гданьск. Переговоры продолжались десять дней с перерывами на консультации с политбюро и ЦК. На верфь, невзирая на блокаду, прибывали делегаты от предприятий всей страны. Было также много журналистов и тайных агентов-топтунов.

МЗК возникали и в других городах: Щецине, Эльблонге и Вроцлаве, — а также в Верхней Силезии. 27–28 августа было уже ясно, что могут остановиться 80 угольных шахт. Страна находилась на грани катастрофы. Секретарь ЦК ПОРП Каня, ответственный за силовые ведомства, сказал тогда: «Лучше сделать шаг вправо, чем в пропасть», — хотя это отнюдь не означало, что он в длительной перспективе соглашался на профсоюзы, не зависящие от партии. Забастовочное движение охватило около 750 тыс. человек (не считая шахт), но более или менее серьезных инцидентов не возникало, господствовал порядок и спокойствие. Все хорошо помнили о кровавой цене предыдущих протестов. Важной была позиция Церкви. Примас Вышинский через телевидение призвал к спокойствию и к окончанию забастовок, что очень рассердило рабочих, но это обращение предназначалось главным образом властям и Москве, так как в опубликованном на следующий день коммюнике польского епископата выражалась энергичная поддержка независимых профсоюзов.

Политбюро не располагало никаким лучшим выходом, ибо грозившая в любой момент всепольская забастовка означала советскую интервенцию и падение правящей в Польше группировки. Уже с 18 августа (когда весь коллектив судоверфи снова забастовал) вооруженное вмешательство стало невозможным. Министр обороны генерал Ярузельский отказался захватывать верфь, хотя были партийные деятели, которые этого добивались. 16–17 августа, когда на верфи присутствовало всего лишь несколько сот рабочих, кое-какие шансы подавить протест гданьских судостроителей были у Станислава Кани, но он этого не сделал, так как команда Герека приняла для себя принцип, что, пока такое возможно, нельзя прибегать к насилию, ибо оно означает кровь и политический конец всей этой команды. Должен также добавить, что первый секретарь Гданьского воеводского комитета ПОРП Тадеуш Фишбах и гданьский воевода Колодзейский несомненно симпатизировали забастовщикам. На верфи передавали из уст в уста, что во время радиотелефонного совещания Герека с воеводскими партийными секретарями Фишбах вроде бы заявил: «Если вы примените насилие, я перехожу на верфь!» Будь на месте этих двоих твердолобые ортодоксы, представители партийного «бетона», история могла бы пойти иначе.

1 сентября все газеты напечатали текст Гданьского соглашения с содержащимся в нем наиболее важным положением о создании независимых профсоюзов. Были также подписаны соглашения в Щецине и Верхней Силезии. Для народа это

означало мощное потрясение. Естественно, власти учли лишь часть требований трудящихся, но и это было ценным. Политзаключенных освободили, отдельные из них вскоре стали экспертами нового профсоюза. Мы, эксперты, тоже заплатили определенную цену. Ослабили жесткость некоторых справедливых рабочих требований. Убедили МЗК, что надо согласиться на декларацию о признании руководящей роли партии в государстве и не выдвигать политических требований. Особенно трудным оказалось убедить молодых рабочих, что пока еще нельзя отменить цензуру. По сей день нас упрекают во всем этом. Несправедливо. Ибо успех был огромным. Это отметил тогдашний президент Франции Миттеран, сказавший, что «Солидарность» — главное событие в Европе со времен Ялты. Брешь в тоталитарной системе.

Новый профсоюз просуществовал лишь 15 месяцев. По распоряжению КПСС его распустили при введении военного положения. Он, однако, сохранился в подполье и в 1989 г. заключил новое соглашение с генералами, которые ввели военное положение, а в конечном итоге сверг коммунистическую систему. В массовом масштабе «Солидарность» была великим союзом молодых рабочих и молодой технической интеллигенции, но одновременно — великим движением за свободу и независимость, провозглашающим борьбу без насилия, а также без неприязни к соседям и национальным меньшинствам. Поначалу Советский Союз рассматривали реалистически — в качестве кары Господней, являющейся следствием международной ситуации, — но без ненависти. После падения советской империи мы сразу же старались выстраивать наши отношения с соседями: русскими, украинцами и немцами — как дружественные. Лех Валенса, будущий президент, Мазовецкий, будущий премьер-министр, и Геремек, будущий министр иностранных дел, были хорошими выразителями этой ориентации. А в Европе «Солидарность» положила начало новой революционной традиции, которая шла наперекор существовавшей до сих пор — от Кромвеля через Робеспьера к Ленину и Сталину — традиции кровавого насилия. Мы показали, что можно провести глубокие общественные перемены без насилия, путем переговоров и соглашений. Однако для этого требовалось взаимное понимание и солидарность между лидерами интеллигентских кругов и народными лидерами.

Анджей Велёвейский — бывший руководитель Центра общественно-профессиональных работ независимого

самоуправляющегося профсоюза «Солидарность», бывший депутат Сейма, сенатор, депутат Европарламента.

«АНКОР, ЕЩЕ АНКОР!» ПАВЛА ФЕДОТОВА И ЯЦЕКА КАЧМАРСКОГО

Наверное, если бы не песня Яцека Качмарского «Анкор, еще раз», никто в Польше не знал бы о существовании русского художника первой половины XIX века — Павла Андреевича Федотова.

Глубокая печаль и безутешная скорбь ярче всего продемонстрирована в его неоконченном шедевре «Анкор, еще анкор!». Именно так, без второй запятой, художник назвал свою картину^[1], которая находится в собрании Третьяковской галереи в Москве. Картина небольшая, масло да холст. Композиция тщательно продумана — мы видим солдатскую квартиру, низенькую каморку, двух мужчин и пуделя. Почти в самом центре находится маленькое окошко, через которое падает тусклый свет. Очень темную композицию освещает еще разве что огарок свечи, стоящий на столе, прямо по центру, у окна. Впечатление такое, будто чистота жанра не играет роли для автора: картине присущи черты жанровой живописи, портрета, а также натюрморта.

Чтобы описать изображенное на картине место, можно воспользоваться цитатой из «Преступления и наказания» Достоевского: «[Раскольников] проснулся желчный, раздражительный, злой и с ненавистью посмотрел на свою каморку. Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид (...) и до того низкая, что чуть-чуть высокому человеку становилось в ней жутко, и всё казалось, что вот-вот стукнешься головой о потолок. Мебель соответствовала помещению (...) неуклюжая большая софа, занимавшая чуть не всю стену и половину ширины всей комнаты (...)». Кажется, будто Достоевский в своем описании берет за образец произведение Федотова, что само по себе неудивительно, поскольку они были знакомы. Важно, что картина напоминает набросок^[2], в ней слишком мало столь значимой для художника отточенности, прорисованности деталей. Однако автор не отказывается совсем от характерного для его творчества внимания к мелочам. Он заботливо воссоздает детали, свойственные кочевой жизни военных:

глиняные умывальники, фляга, висящая на крючке, горшок и кружка на столе, складное зеркальце. На столе, застеленном малиновой скатертью (если верить репродукциям) расположен своеобразный натюрморт, подчеркнутый ярким светом. Эта скрупулезная точность в передаче подробностей, которую он подглядел у голландских мастеров, представленных в Эрмитаже, а в значительной степени и изучая работы Хогарта, была присуща художнику до самой смерти. Что поражает, так это совершенно необычное использование света. Никогда раньше он не писал так, как это делали караваджисты. Остается открытым вопрос, был ли знаком художнику тот способ использования светотени («чиароскуро»), который мастерски применяли Караваджо, Латур и Рембрандт. Ведь он мог видеть в Санкт-Петербурге картину Геррита ван Хонтхорста «Детство Христа», на которой отблеск свечи, падающий на маленького Иисуса, ярко освещает не только его лицо, но также верстак и работающего Иосифа. «Анкор, еще анкор!» наделен всеми признаками, характерными для караваджизма: сильная светотень с интенсивным пучком света, нейтральный темный фон, фигуры взяты либо до пояса, либо в три четверти и показаны крупным планом, скученно, а также драматический пафос и динамизм композиции.

Разумеется, ни слабый свет свечи, ни маленькое окошко, за которым смеркается (а может быть, это холодный свет месяца?), не смогли бы вот так осветить всю композицию. Яркий блеск заливает весь стол, правую руку и фрагмент щеки лежащего человека, скачущего пса, и даже мужчину, стоящего у противоположной стены, а также часть потолка. Но вышеперечисленные мастера добивались ясности не только благодаря использованию традиционных источников света, будь то свечной огарок или лампада. Его происхождение объясняется тем, что свет исходит от портретируемой особы: Иисус, апостол Петр или Мария Магдалина. Это внутренний свет их святости... Здесь же и речи нет о таком происхождении света, из-за чего написанный Федотовым сноп огня обрастает неестественными жуткими чертами, придающими всему происходящему характер бреда или алкогольной галлюцинации. Но этот прием также позволяет сделать светлее выдержанное в темных тонах полотно.

Из-за низкого потолка комната кажется давящей, угнетающей, даже клаустрофобской. Она больше похожа на тюремную камеру, нежели на жилое помещение. И теперь самый важный вопрос — кто эти люди, вынужденные существовать в таком месте? Изба и ее обитатели напоминают картину «Офицер и денщик». На ней мы видим двух военных (надо отметить, что

художник изобразил здесь себя и своего денщика Коршунова), держащих трубки с длинными чубуками, похожий стол, гитару, всё освещено пламенем догорающей свечи, которое отражается в начищенном самоваре. Офицер дрессирует пса, стоящего на задних лапах. Ситуация довольно безрадостная, но в ней нет отчаянья, на худой конец, ее можно трактовать как жанровую сценку. Скучно жить на этом свете, господа!

Незаконченное дело мастера — это совсем другое. Работа художника как бы не окончена; а может быть, это эффект ухудшающегося зрения? Кроме странного света, поражает сочетание динамики и омертвения. Неподвижность лежащего офицера и маячащего в полумраке, подпирающего стену денщика (уже известного нам по картине «Офицер и денщик») наталкивается на стремительность пуделя, с которой он скачет через длинный чубук трубки. Этот динамизм усиливается благодаря отблескам света на шкуре животного^[3]. Морда зверя еле различима, смазана. Но ведь и фигуры мужчин тоже еле различимы, размыты, едва выступают из сумрака и потому сливаются с фоном, теряют свою индивидуальность и самостоятельность.

Чем же занят офицер? Дрессирует собаку по части прыжков. Это ли занятие, достойное офицера Его Императорского Величества? Или это способ как-то провести свободное время, а может быть, бесцельно его убить, наполнив абы чем, лишь бы прожить очередной день? Сосланный в унылую провинцию, на какую-нибудь «станцию Смертная Скука, что в Мордобойском повете», он прозябает, не зная, чем наполнить монотонно уплывающие дни. Скука, переходящая в ступор и приводящая к полному отупению. Федотов пишет тогда в письме: «Как часто слышишь: я перехитрил время. Нет, господа, скорее оно вас перехитрит». Бежать отсюда некуда, а ощущение, что ты в ловушке, только усиливается композицией, вызывающей клаустрофобию, и уверенностью, что «за окном всё тот же унылый пейзаж, всё та же пустая улица, те же избы, тот же снег, то же мертвое небо и повсюду одинаково тихо, тоскливо и темно... Но до чего же сладко, как бывает сладко в туманном лихорадочном бреду, когда всё непрестанно тонет, высыхает и умирает, и только что-то бессмысленное, бесполезное и никчемное, как этот пудель, вертится, толкается, шумит и упрямо не позволяет забыть, что ты жив...» Внутренняя пустота человека, лишённого цели и обречённого на бессмысленное растительное существование, способна разуверить в смысле и ценности человеческой жизни.

Название картины — вопрос отдельный. Некоторые видят в нем дурацкий плеоназм, поскольку «encore» по-французски значит то же, что по-русски «еще». Однако можно трактовать это название и как тавтологичное подчеркивание монотонности жизни офицера, бессмысленно убивающего время и проматывающего свою жизнь. А может, это просто термин из области муштры, до тошноты повторяемая команда, подчеркивающая скуку и бесцельность такой жизни? Да и потом, чем в основном занимался царский офицер? Правильно, целый день гонял на плацу солдат.

Россия всегда была очень важной темой в творчестве Яцека Качмарского. Об этом свидетельствует высказывание артиста: «Мне кажется, что поляк, польский автор, не чувствующий влияния русской культуры, просто не понимает, где он живет». Он сам неоднократно подчеркивал, что истоки его песенного творчества неразрывно связаны с личностью Владимира Высоцкого^[4]. Своему учителю он посвятил одно из своих лучших произведений — «Эпитафию Владимиру Высоцкому». Российская тематика в той или иной степени отражена в следующих текстах: «Сон Екатерины II», «Рейтан, или Доклад посла», «Петербург — Достоевский, Обломов, Штольц и я», а также в стихах, на которые его вдохновило творчество Андрея Тарковского («Рублев», «Сталкер», «Жертвоприношение»). Россия была знакома Качмарскому главным образом благодаря отцу, Янушу, который учился там живописи. Дважды он побывал с отцом в Советском Союзе, познакомился с друзьями отца, русской литературой, а также русской ментальностью.

Галерею песен и стихов, вдохновленных живописью, открывает композиция «Анкор, еще раз», написанная в 1977 году. Тут поражают две вещи: во-первых, автору этих стихов было тогда 20 лет, а во-вторых, к их написанию его подтолкнула картина, которую автор в глаза не видел (даже репродукции!)^[5]. Не будем сейчас вдаваться в подробности биографии поэта, ясно одно: «контраст между юным физическим возрастом и умственной, моральной, интеллектуальной зрелостью» впечатлял. Для поколения ровесников Качмарского он был тем же, что Мицкевич для филоматов. Он был реинкарнацией романтического поэта времен позднего Герека, на удивление схожих (с сохранением собственной специфики) с эпохой николаевского застоя. Ярослав Миколаевский пишет: «Мы чувствовали — я чувствовал, — что Яцек Качмарский был для нас тем, кем для поколения филоматов был Мицкевич. Это был автор, который

говорил на моем языке (...) то есть поражающий не менее, чем Бачинский или Тувим, но ко всему прочему живой и до такой степени «свой», что при желании можно было поговорить с ним или пожать ему руку. Это был молодой Мицкевич, только живой. Поэт эпохи романтизма, изгнанный из своей эпохи 150 лет назад и попавший в наши дни. Это было явление. Будучи старше меня только на какие-то три года, он вкладывал в свои баллады и песни мир идей, совершенно немыслимых для меня, стихов, совершенно невозможных, недостижимой выразительности, интеллектуальной и моральной зрелости — на все это я боялся даже замахнуться».

Стихотворение-песня «Анкор, еще раз» открывает серию знаменитых вещей Качмарского, вдохновленных живописью. Это довольно оригинальный ход — передать содержание, настроение картины при помощи слов, и ему будет посвящена следующая часть моего эссе.

Ключом к прочтению заложенных в стихотворение «Анкор, еще раз» мыслей и идей я хотел бы сделать образ «лишнего человека», в особенности то, как он раскрыт в «Герое нашего времени» Лермонтова. Александр Качаровский в предисловии к переизданию романа так характеризует главного героя: «На первый взгляд, у него есть всё: фамилия, поместье, красота, гордая и храбрая натура. При этом он ни во что не верит, и нет такого дела, которому он мог бы себя посвятить». Но это ведь парафраза первых строчек «Анкора...»:

*Эх, всё при мне, о чем мечтает честный малый, —
образование, характер, идеалы,
семья, две барышни, моим теплом согреты,
гитара, пес и золотые эполеты!*

Что это за «честный малый»? Это молодой образованный офицер, ведь у него «эполеты», то бишь погоны, офицерские галуны^[6]. Служба это явно не прибыльная, поскольку его на удивление убогий инвентарь состоит из гитары и пса. Это солдат империи («один из многих», так что его судьба очень характерна для людей его поколения), стерегущий «поля, где не найдешь дороги». В данной строфе мы обнаруживаем типичный топос «русских далей бескрайних». Это Россия из третьей части «Дзядов» Мицкевича: «Чужая, глухая, нагая страна — / бела, как пустая страница, она»^[7].

Его служба не позволяет ему полностью реализоваться. Что больше всего достает, так это скука, поскольку он уже достиг всего, «о чем мечтает честный малый», и подводит «итоги», так что в его жизни ничего уже не произойдет. Это мертвое время («здесь навсегда часы истории застыли, / мне этот край, друзья, давно уж опостылел»), и он осознаёт, что от него ничего уже не зависит. Он «лишний человек», ждущий, «что по-другому карты лягут», обреченный убивать время — «и через шпагу^[8] пес мой скачет битый час!». И его бессмысленные занятия (вроде охоты на тараканов: «я протыкаю своей шпагой таракана») — попытка обмануть парализующую скуку.

Стоит заметить, что мы имеем здесь дело с деградирующей действительностью: шпага — это оружие дворянина, которое здесь используется с целью, оскорбляющей его истинное назначение. То же самое касается шпор, которые должны облегчать верховую езду, но, вовремя не снятые, оказываются источником досаждающего звука: «И пес залает, сбитый с толку звоном шпор». Затерянный в бескрайней России офицер осознаёт абсурдность своего положения, но не может на это никак повлиять. Могло бы показаться, что он еще борется, потому что «глаза блеснут», что значит — интерес, оживление, однако лирический герой быстро возвращает нас на землю, с иронией поясняя, что это лишь оттого, что «лампа^[9] мрак прогонит». Это мир из широко цитируемого стихотворения Лермонтова, где (еще раз повторим) «и скучно, и грустно, и некому руку подать». Нет планов, нет целей, некому слова молвить. Ну, разве что собственному вышколенному псу: «А здесь одно — собаку руганью обжечь». Остается лишь печаль и осознание того, что где-то там есть настоящая жизнь:

В далеких странах бьет ключом чужая речь. (...)

Пути не пройдены, и звезды на пороге...

Мир и космос сталкиваются с карикатурным микрокосмом провонявшей каморки, в которой ему выпало жить, мало отличающейся от тюремной камеры, откуда невозможно сбежать. Человек обречен механически мерить небольшое помещение, словно узник («а я хожу вдоль стен, когда немеют ноги!»), на жалкое прозябание: «Когда я ем и сплю (...) мой пьяный треп (...)». Осознание растрачиваемой молодой жизни, уверенность, что ничего уже не произойдет, чувствуется наиболее остро: «как будто сам себя я пережил давно...» Это напоминает слова из исповеди Печорина: «Но что от этого мне осталось? одна усталость, как после ночной битвы с привидением, и смутное воспоминание, исполненное

сожалений. В этой напрасной борьбе я истощил и жар души, и постоянство воли, необходимое для действительной жизни; я вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге».

Несчастный бросается в пьянство, говорит, что «кошмары пьяные мне застилают взор». Водка, этот славянский наркотик, ненадолго спасает, но вреда приносит еще больше. Именно от нее предостерегал старый служака Максим Максимыч молодого офицера в «Герое нашего времени», рассказывая о судьбах царских солдат: «Оно и точно: другой раз целый год живешь, никого не видишь, да как тут еще водка — пропавший человек!». Алкоголь только усиливает ощущение абсурдности бытия, не оставляя никакой надежды на перемены в судьбе, на то, что завтра будет лучше и что-то изменится... Это хорошо иллюстрирует следующий поразительный образ:

*В окне я вижу пса и пламя фитиля,
и офицера — он пьет то же, что и я!*

Зеркальное отображение, удваивание, а возможно, и популярный литературный образ двойника — может символизировать невозможность выхода из ситуации, поскольку везде одно и то же, мир состоит из людей, влачащих точно такое же безнадежное и бессмысленное существование. Возможно, это просто пьяная галлюцинация. Гнетущее ощущение проигранной жизни, где нет шанса даже на самоубийство, поскольку выхода в принципе не предусмотрено:

*И свод небесный пуст и низок, так что даже
здесь не удавишься при помощи подтяжек!*

Речь-то здесь идет не о проблемах технического свойства — повеситься можно даже на дверной ручке. Нет, речь о том, что от судьбы не убежишь. Интересно, был ли Качмарский знаком с рассуждениями одного из самых тонких знатоков России, де Кюстина. В его «Письмах из России» наталкиваемся на такую формулировку: «Не думаю, что самоубийства там слишком распространены: люди слишком много страдают, чтобы еще и накладывать на себя руки. Странны людские нравы! Когда жизнью человека правит ужас, он не ищет смерти, ибо знает, чего ждать после нее».

И что же остается? Муштра пуделя, слезы и водка — и больше ничего. Ну, может, еще печаль об этом мире. Но чего она стоит? Не больше, чем плач обиженного ребенка:

*Моей душе пустой вовеки не согреться,
и только детская тоска сжимает сердце!*

Главное, что эти стихи дают почувствовать читателю, — что он в окружении, в осаде. Поэт передает клаустрофобский характер картины при помощи слов. Пустота, маразм и бессмыслица жизни царского офицера подчеркивается и благодаря рефрену, повторяемому трижды:

*На дверь смотреть не надо, отродье собачье,
там волки, там по пояс в снегу сосновый бор.
Скачи, как я велел, я погляжу, как скачешь!
Анкор, анкор, еще анкор!*

С одной стороны, он задает произведению определенную динамику, поскольку это песня, так что в музыкальной версии некоторые фрагменты повторяются дважды, а с другой — еще выразительней подчеркивают парализующую русского офицера судьбу-злодейку. Только на первый взгляд эти слова обращены к псу — в действительности офицер говорит сам с собой: отсюда некуда идти, за этими дверями ничего нет, лишь непроходимые снежные заносы, волки, дичь и глушь. Побег невозможен. Остается убивать время, которое обманывает само себя. Жуткая монотонность дрессировки не только символизирует бесконечную муштру, но и является выражением фрустрации офицера, который вымещает свое раздражение и агрессию на собаке. Это идеальная модель взаимоотношений хозяина и подчиненного. Жестокость муштры как реакция на жестокость собственной судьбы. Остается напиваться до смерти и плакать над собой: «Моей душе пустой вовеки не согреться...». В конце рефрен принимает иной вид:

*Следить за мной не надо, отродье собачье,
когда кошмары пьяные мне застилают взор!
Мне руки не лижи, когда я бью тебя — и плачу!
Еще раз, еще раз, анкор!*

Этот последний аккорд — плач, пьянство, презрение к себе, жалость, смешанная с презрением к собачьей верности, амплитуда чувств («я бью тебя — и плачу!»), отчаяние. Так, по мнению поэта, проявляет себя «русская душа», нечто глубокое и таинственное, дикое, безумное и меланхоличное, широкое, как степь^[10], русская судьба, «судьба такая...». Европейский стереотип, взращенный русской литературой, и не только благодаря Достоевскому. Ведь еще за полвека до него (стихотворение 1784 г.) Гавриил Державин писал в оде «Бог»: «Я царь! я раб! я червь! я Бог!», в одном тезисе заключены четыре категоричных и противоречащих друг другу утверждения.

На лексическом уровне поэт лишь несколько раз пробует передать русский колорит: четырежды в рефрене повторяется ругательство «отродье собачье». Слово *sobaka* в польском языке фигурирует как диалектное название собаки либо во фразеологизме «собачье семя», либо как глагол «*obsobaczys*», то есть «обозвать», и в любом случае имеет ярко выраженные русские коннотации. То же самое происходит со словом «*karakan*», означающем «таракана» в восточно-польском говоре (белостоцкий диалект).

Поэту отлично удалось передать ауру картины Федотова — бесплодная жизнь офицеров империи, где-то в глухой провинции России. И в то же время это образ поколения «лишних людей» из эпохи застоя времен царствования императора Николая I. Декабристы повешены и сосланы в Сибирь; Пушкин и Лермонтов убиты на сфабрикованных дуэлях; Грибоедов умышленно выслан с небезопасной миссией в Персию, где и погиб; Достоевский приговорен к смерти, но помилован и отправлен в Сибирь; Герцен и Тургенев эмигрировали; Чаадаев объявлен сумасшедшим, а Федотов и в самом деле сошел с ума.

Эти стихи появились в 1977 году. Эпоха Эдварда Герека клонилась к закату. Настроения были упадочнические, страна погружалась в маразм. Так что неслучайно песня начинающего барда идеально совпала с настроениями тогдашних молодых людей, одновременно начав «комедию ошибок», связанную с противоречиями между замыслом творца и восприятием его творчества^[11]. Но это уже тема для другого рассказа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Яцек Качмарский назвал свое стихотворение (и песню) «Анкор, еще раз».

2. Сам художник считал свою картину неоконченной, особенно его мучила проблема света, которую он считал нерешенной. Но это не мешает нам смотреть на эти вещи по другому, нежели 150 лет тому назад.
3. Может показаться странным, откуда в глухой провинции взялся пудель. Некоторые склонны видеть в военном барчука, который забавляется с собачкой, но это не фанаберия; не стоит забывать, что пудель в то время считался охотничьей собакой. Тема «Животные на картинах Павла Федотова» еще ждет своего исследователя. Безусловно, здесь есть переключка с голландской живописью, где животные фигурируют довольно часто. Появляются они и у великих мастеров живописи — у Грёза, а также у Хогарта. Кроме того, художник, наверное, просто любил животных, поскольку мы обнаруживаем их на многих полотнах, в частности, пекинеса в «Разборчивой невесте», пуделя в «Завтраке аристократа» и «Анкор, еще анкор!», кота в «Сватовстве майора», «Свежем кавалере», а также «Офицере и денщике».
4. В книге «Когда мне было семнадцать» он описывает впечатление от концерта Высоцкого, на котором он побывал в доме Ежи Хоффмана: «Славянская истерия Высоцкого — как говорит мой отец — произвела на меня колоссальное впечатление. Я впитывал его пение всеми порами кожи. Кажется, именно тогда я пришел к выводу, что писать и исполнять песни нужно тогда, когда не делать этого уже невозможно. Сильно впечатлило меня и то, что Высоцкий заметил, как я воспринимаю его песни. Когда мы с родителями уходили, он проводил нас до дверей и пригласил к себе, если я когда-нибудь окажусь в Москве. Тогда я и заболел творчеством. Я уже знал, что это самая важная вещь из всего, чем мне хотелось бы заниматься».
5. В одном интервью Качмарский обмолвился, что «песню «Анкор, еще раз» я увидел (хотя должно было быть: написал — А.К.) до того, как познакомиться с репродукцией картины. Мой отец просто рассказал мне о той картине, описал, что на ней: что лежит офицер и учит пса скакать через шпагу, и я написал песню на основе отцовского рассказа, а уж потом добрался до репродукции». («Слишком много красного». Разговор с Иолантой Пьонтек // Одра. 2002. Интервью печаталось в нескольких номерах подряд).
6. Здесь мы должны поверить на слово лирическому герою, поскольку картина об этом умалчивает. Разве что мы знаем о нем больше, потому что нам известно полотно «Офицер и денщик».

7. А.Мицкевич. Дзяды: «Беснуется вихрь, и свистит в вышине (...) И не на чем взор задержать в белизне (...) И снова равнина пуста и мертва» (пер. В.Левика).
8. На картине Федотова изображена трубка с длинным чубуком.
9. На картине Федотова изображена свеча.
10. Качмарский таким же образом воспринимал своего кумира — Высоцкого: «Это его русская душа, вскормленная отчаянием, которая черпает силу из самой себя, чтобы отчаиваться дальше».
11. Сам Качмарский говорил об этом так: «Вещи, написанные перед самым отъездом из Польши и позднее, совпали с рядом политических событий, поэтому всё, что я писал, например, «Анкор, еще раз» по картине Федотова, желая выразить определенные экзистенциальные идеи, становилось политическим жестом. Наверное, это правильно, но это не входило в мои планы. (...) Люди слышали то, что хотели услышать». (Из разговора с Анной Близкой «Искусство без лозунгов» // Политика. 1990. № 21).

Яцек Качмарский

АНКОР, ЕЩЕ АНКОР!

Эх, всё при мне, о чем мечтает честный малый, —
образование, характер, идеалы,
семья, две барышни, моим теплом согреты,
гитара, пес и золотые эполеты!

Все шло не абы как — ну что ж, и вот итоги:

я стерегу поля, где не найдешь дороги.

При свете лампы я лежу, а день погас,
и через шпагу пес мой скачет битый час.

На дверь смотреть не надо, отродье собачье,
там волки, там по пояс в снегу сосновый бор.

Скачи, как я велел, я погляжу, как скачешь!

Анкор, анкор, еще анкор!

Здесь навсегда часы истории застыли,
мне этот край, друзья, давно уж опостылел.

В избе заснеженной вы видите беднягу,
который ждет, что по-другому карты лягут!

Чертей зеленых сосчитав на дне стакана,
я протыкаю своей шпагой таракана.

Глаза блеснут, как только лампа мрак прогонит.

В мой сонный лик впечатан след моей ладони!

На дверь смотреть не надо, отродье собачье,
там волки, там по пояс в снегу сосновый бор.

Скачи, как я велел, я погляжу, как скачешь!

Анкор, анкор, еще анкор!

В далеких странах бьет ключом чужая речь.

А здесь одно — собаку руганью обжечь.

Пути не пройдены, и звезды на пороге,

а я хожу вдоль стен, когда немеют ноги!

И пес залает, сбитый с толку звоном шпор,

гитара нехотя поддержит разговор...

Подхватит песенку судьбы веретено,

как будто сам себя я пережил давно...

На дверь смотреть не надо, отродье собачье,

там волки, там по пояс в снегу сосновый бор.

Скачи, как я велел, я погляжу, как скачешь!

Анкор, анкор, еще анкор!

Когда я ем и сплю, мой пес следит за мною.

Мой пьяный треп его изрядно беспокоит.

В окне я вижу пса и пламя фитиля,

и офицера — он пьет то же, что и я!

И свод небесный пуст и низок, так что даже

здесь не удавишься при помощи подтяжек!

Моей душе пустой вовеки не согреться,

и только детская тоска сжимает сердце!

Следить за мной не надо, отродье собачье,

когда кошмары пьяные мне застилают взор!

Мне руки не лижи, когда я бью тебя — и плачу!

Еще раз, еще раз, анкор!

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Во время визита в Польшу президент Дмитрий Медведев лично вручил Анджею Вайде российский орден Дружбы. Торжество состоялось 6 декабря в рамках 5-го Польско-российского форума гражданского диалога во Дворце на воде в варшавском парке Лазенки. «Принимая из рук господина президента орден Дружбы Российской Федерации, — сказал режиссер во время церемонии, — я верю, что это не только жест политика. Я верю, что обещание господина президента в полной мере раскрыть обстоятельства катынского преступления выражает чувства и взгляды людей сегодняшней России».

Белорусская государственная академия искусств присудила постановщику «Катыни» звание доктора honoris causa. Церемония вручения диплома состоялась 15 декабря в Школе режиссерского мастерства Анджея Вайды в Варшаве.

Один из самых известных фильмов Анджея Вайды — «Свадьба» по пьесе Станислава Выспянского, с прекрасным актерским ансамблем (Даниэль Ольбрыхский, Анджеем Лапицким, Майей Коморовская), — отреставрирован в цифровом формате. Торжественная премьера обновленного кадра за кадром шедевра 1972 г. прошла 13 декабря в варшавском кинотеатре «Культура». В числе присутствовавших были сам режиссер и оператор фильма Витольд Собо́тинский.

Ранее цифровой реконструкции подверглись «Сальто», «Последний день лета» и «День поминовения» Тадеуша Конвицкого, а также «Ва-банк» Юлиуша Махульского. В январе 2011 г. нас ждет показ оцифрованного фильма Януша Моргенстерна «Надо убить эту любовь».

Лауреатом присуждаемой во Вроцлаве Центральноевропейской литературной премии «Ангелус» за лучшую прозаическую книгу стал венгерский писатель Дьёрдь Шпиро. Жюри под председательством Натальи Горбаневской наградило его роман «Мессии», рассказывающий о товянской секте, действовавшей в среде польской эмиграции в 40-х годах XIX века. С убедительной фантазией начертаны духовные портреты Тoviaнского, Мицкевича и Словацкого. Торжественный строй повествования перемежается рассуждениями о роли религии в мировой истории. Автор исследует, как могло случиться, что

великие поэты поддались влиянию сомнительного пророка, — отмечается в аннотации издательства «WAB».

— В работе над «Мессиями» я использовал польские источники. Это коллективный труд — мой и всех исследователей, чьи работы я прочел, — скромно заметил Шпиро в интервью «Газете выборчей». — Я лишь объединил всё это в единое целое. Достаточно сказать, что только работа с документами заняла у меня десять лет. А написание — два года.

4 декабря во время торжественной церемонии в музыкальном театре «Капитоль» Шпиро получил чек на 150 тыс. злотых и статуэтку работы Эвы Россано. Премией (в размере 20 тыс. злотых) отмечена переводчица романа Эльжбета Цигельская.

В ходе вроцлавских «Встреч с хорошей книгой» были объявлены победители конкурса «Перо Фредро». Премией (одной из наиболее почетных для издателей) отмечены общество «Вензь» и Институт документирования и изучения польской литературы за «Письма» в трех томах (Марии Домбровской, Ежи Стемповского) — «за особые документальные достоинства и высочайший исследовательский уровень, за раскрытие фрагментов новейшей истории польской культуры и представление ее выдающихся деятелей в их человеческой ипостаси».

Лауреатом премии имени Анджея Киёвского 2010 г. стал Ян Польковский за книгу «Кантус». Это «сборник стихов, отличающихся не только благородством тона, что удивительно редко для современной поэзии, но и тем, что повествовательные, медитативные и песенные элементы проявляются здесь таким образом, что мы слышим глубокую, исповедальную гуманистическую лирику, а одновременно кажется, что мы читаем какой-то обширный, многосюжетный и многоуровневый роман», — отмечается в решении жюри премии.

Ян Польковский дебютировал в 1978 г. на страницах подпольного журнала «Запис» и был одним из ведущих поэтов 80-х. В следующее десятилетие замолчал, чтобы вернуться в 2009 г. — сборником «Кантус».

Шквал премий обрушился на Мариуша Щигела. Книгу «Устрой себе рай», последовавшую за сборником репортажей о Чехии «Готтланд», назвали «Варшавским литературным событием» декабря 2010-го. На этот раз репортер рассказывает о современной Чехии, об обществе, в значительной мере атеистическом. «Как живет государство без Бога?» — этот

вопрос стал рефреном его книги, объединившей личный дневник с эссе, фельетоном и репортажем.

Книга «Устрой себе рай» получила также премию Познанского обозрения издательских новинок и звание одной из «Книг осени-2010», а сам Мариуш Щигел, корреспондент «Газеты выборчей», занял четвертое место в списке лучших журналистов года на конкурсе журнала «Пресс».

«Журналистом года» признан Артур Домославский, корреспондент «Газеты выборчей», автор получившей самые противоречивые оценки биографии Рышарда Капустинского «Капустинский non-fiction», которая разделила журналистское сообщество и вызвала бурную дискуссию о профессиональной этике, границах репортажа и так называемой «литературы факта».

Удивленный решением жюри, Домославский, получая премию, сказал: «Есть некая ирония в том, что эту награду вручает мне редактор «Пресс» — журнала, который от моей работы не оставил камня на камне».

Премия для «Журналиста года» — это автомобиль «Ситроен-С5» и статуэтка, изображающая писательское перо. Домославский отказался от машины, попросив передать ее на благотворительные цели.

Как ранее биография Капустинского, так и премия Домославскому разделила журналистское сообщество. Одни поздравляли репортера, другие считали, что это какое-то недоразумение.

«Я возмущена вердиктом жюри премии «Grand Press» для «Журналиста года», — написала в открытом письме Божена Дудко, секретарь премии имени Рышарда Капустинского за литературный репортаж. — Премия должна присуждаться за профессионализм, продвижение мировых стандартов работы в СМИ и следование этическим канонам профессии. К сожалению, книга Артура Домославского о Рышарде Капустинском противоречит этим критериям».

13 декабря, в годовщину введения военного положения, варшавский театр «Каменица» Эмилиана Каминского показал сценическую версию известной повести Яцека Дукая «Воронец» (инсценировка и режиссура Ежи Белюнаса). Это волшебная повесть о судьбе семилетнего Адася (кукла, анимированная Камилем Крулем), на глазах у которого разворачиваются драматические события военного

положения. Сценография представляет собой гротескный коллаж эмблем соцреализма: фотографий, рисунков и лозунгов на коммунистическом новоязе. Игра актеров перемежается с элементами анимации.

«Воронец» — очередная постановка театра «Каменица» в русле гражданского театра. Это направление особенно близко Эмилиану Каминскому, который в период военного положения работал в оппозиционном Домовом (Домашнем) театре.

16 декабря, ровно в 40-ю годовщину кровавых событий в Тригороде, в гданьском Спортивно-зрелищном комплексе прошла предпремьера фильма «Черный четверг» режиссера Антония Краузе. Специально были приглашены сами пострадавшие и члены семей жертв декабрьской кровавой расправы 1970 года.

«Черный четверг» — одна из крупнейших исторических лент польской кинематографии. Сюжетная канва фильма — история портового рабочего Бруно Надрывы из Гдыни, который погиб от выстрела в спину. Фильм показывали в январе и феврале 2010 г. на улицах Гдыни и в бывшем здании ЦК ПОРП в Варшаве. В съемках приняло участие свыше ста актеров, 500 статистов, было задействовано 60 танков, бронетранспортеров и автомобилей. Точно воспроизведены сцены уличных столкновений и расправы над рабочими. Большое впечатление производят диалоги высших партийных руководителей.

Фильм, который рекламируется знаменитой «Балладой о Янеке Вишневском» в исполнении Казика Сташевского, выйдет на экраны кинотеатров в феврале 2011 г. рекордным тиражом в 150 копий.

18-й фестиваль операторского искусства «Plus Camerimage-2010» прошел на этот раз в Быдгоще (ранее фестиваль принимали Торунь и затем Лодзь). «Золотая лягушка», главная премия фестиваля, присуждена Артуру Рейнхарту, оператору фильма «Венеция» Яна Якуба Кольского. Жюри признало эту картину цельным произведением, импрессионистическим, с собственной атмосферой, исключительно профессионально снятой лентой. «Серебряная лягушка» досталась Михаилу Кричману за операторскую работу в российском фильме «Молчащие души». «Бронзовую лягушку» получил каталонец Эдуард Грау за работу в фильме «Погребенный заживо».

Главная награда для молодых операторов, «Золотой головастик» имени Ласло Ковача, также попала в польские

руки. Ею отмечен студент Якуб Гиза за работу в фильме «Завтра меня здесь не будет».

Сенсационное открытие. «Еврейка с апельсинами» Александра Герымского, один из самых ценных живописных шедевров, похищенных во время второй мировой войны из Национального музея в Варшаве, всплыла на аукционе в немецком городке Букстехуде под Гамбургом. Картину немедленно сняли с торгов. 27 ноября по представлению польского министерства культуры и национального наследия произведение было арестовано. Однако возвращение «Апельсинщицы» не будет ни быстрым, ни простым. Польская сторона рассчитывает на поддержку немецких властей. Министр Богдан Здроевский контактирует по этому вопросу с министром культуры ФРГ Берндом Нойманом.

Выставку фотографий Рышарда Капустинского «Из Империи» можно увидеть в варшавской галерее «Захента». Снимки были сделаны в 1989–1991 гг. в ходе поездок репортера по республикам СССР. Фотографии, за исключением нескольких, опубликованных в альбоме «Со всего мира», неизвестны публике. Их обнаружили два года назад в личном архиве автора «Империи». На выставке представлено 50 черно-белых фотографий, отобранных из нескольких сотен. Здесь есть Москва, Петербург, Вильнюс и Пинск (родной город Капустинского), серии снимков из Грузии, Азербайджана и Армении.

Снимки Капустинского — это не фотографический дневник путешествий и не иллюстративный материал к «Империи». Это скорее необычайно эмоциональный фоторепортаж, показывающий людей, места и события в столкновении с универсумом писателя, как отмечали кураторы выставки — Рене Майснер, Изабелла Войцеховская и Анна Томчак. Изабелла Войцеховская, несколько лет занимавшаяся фотоархивом Рышарда Капустинского, до открытия выставки не дожила. Она скоропостижно скончалась 6 декабря в Варшавской больнице Младенца Иисуса. На вернисаже в «Захенте» об Изабелле Войцеховской было сказано много теплых слов.

Выставка открыта до 20 февраля 2011.

«Женитьбу Фигаро» на сцене Большого театра — Национальной оперы в постановке Кейта Варнера, художественного руководителя Датской национальной оперы в Копенгагене, ожидали как хит сезона. После премьеры (13 декабря) критики не оставили от спектакля камня на камне. «Ну и скукота! — жалуется Яцек Гаврылюк в «Газете выборчей». — Варшавская

«Женитьба Фигаро» — болезненный провал национальной сцены. Не учит и не развлекает. Поражает беспомощностью. Не помню, когда в последний раз (и было ли такое вообще) я так сильно скучал на моей любимой опере Моцарта...»

10 декабря в Краковском оперном театре прошла премьера «Евгения Онегина» Чайковского. В заглавной партии выступил Мариуш Кветень, звезда нью-йоркской «Метрополитен-Опера» (см. интервью с ним в «Новой Польше», 2010, №7-8). Режиссер спектакля Михал Знанецкий подчеркивает, что Кветень — артист, который «больше всех знает об Онегине, о тайниках его души». Сам артист сказал, что Евгений Онегин — его самая любимая роль, даже более любимая, чем Дон Жуан, который принес ему мировую славу.

А в Лодзи 18 декабря состоялся предпремьерный показ оперы Марты Пташинской «Любовники из монастыря Вальдемаса» в постановке Томаша Конины. Опера написана по специальному заказу лодзинского Большого театра. Либретто основано на пьесе Януша Красинского 1973 года, которая повествует о бурном союзе Фредерика Шопена и Жорж Санд и об их неудачной поездке на Майорку. Остров оказался совсем не райским. Задерживается доставка рояля для Шопена, жители негостеприимны и нетерпимы, даже погода не радуется — беспрестанно идет дождь.

Шопен находился на Майорке с декабря 1838 по февраль 1839 года. В монастыре в Вальдемасе он завершил цикл «24 прелюдии, соч.28».

В Национальной филармонии в Варшаве дважды, 10 и 11 декабря, прозвучал «Реквием» Романа Мацеевского. Концерты прошли в связи со 100 летием со дня рождения композитора. Монументальный «Requiem. Missa pro defunctis» Романа Мацеевского — одно из самых удивительных произведений польской музыки XX века. Композитор работал над ним почти пятнадцать лет; идея и первые наброски относятся к 1944 году. «Под гнетущим впечатлением громадности человеческих страданий и моря пролитой крови, — писал композитор, — я решил в конце второй мировой войны сочинить произведение, которое стало бы одним из многих средств укоренить в человеческом сознании убеждение в трагической бессмысленности войн. «Реквием» посвящен жертвам человеческого невежества, а в первую очередь — памяти погибших в войнах всех времен».

В концерте участвовала плеяда самых известных польских певцов и хор Национальной филармонии, дирижер — Томаш

Бугай, триумфатор дирижерского конкурса в Бристоле 1978 года.

Прощания

29 ноября в Варшаве умер Збигнев Ежина, поэт драматург и эссеист. Он принадлежал к поэтическому движению «Гибриды» — группе поэтов, дебютировавших в 1962–1965 годах. Его стихи и пьесы для радио переведены на 35 языков. Был членом Союза польских литераторов.

30 ноября в Варшаве скончалась Габриэла Ковнацкая, актриса столичного Национального («Народового») театра, создательница незабываемой роли Аниты в музыкальной комедии «Эй, бороденка, или Лебединая песня короля медвежатников». Телезрителям актриса известна как Анка из сериала «Патронатная семья». Ковнацкая дебютировала студенткой-первокурсницей в роли Зоси в «Свадьбе» Анджея Вайды. 58 летняя актриса скончалась после тяжелого онкологического заболевания.

6 декабря в Лондоне умер профессор Болеслав Таборский — поэт, эссеист, театровед, переводчик и преподаватель. Ему было 83 года. Таборский родился в Торуня в 1927 году. Во время войны был солдатом полка «Башта» Армии Крайовой, сражался в Варшавском восстании. После освобождения из лагеря военнопленных поселился в Англии. Изучал театроведение и английскую филологию в Бристольском университете и в Лондонском университетском колледже. Таборский — автор более десяти поэтических сборников и многих книг о театре (например, «Новый елизаветинский театр», «Внутренняя драматургия Кароля Войтылы»), а также книги о Варшавском восстании. Перевел на английский язык, в частности, пьесы Кароля Войтылы и Станиславы Пшибышевской, работы Яна Котта, Ежи Гротовского, Виктора Ворошильского; на польский — прозу Грэма Грина, поэзию Роберта Грейвза и Роберта Лоуэлла, пьесы нобелевского лауреата Гарольда Пинтера. Таборский был лауреатом многих престижных премий — в том числе имени Южиковского и Костельских.

11 ноября в Лодзи в возрасте 82 лет умерла Уршула Моджинская, актриса театра и кино, особенно прославившаяся в роли Ягенки в «Крестоносцах» Александра Форда.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Наступили времена необычайного политического оживления. Премьер-министр и президент чуть не ежедневно встречаются со своими зарубежными коллегами, но и за границей движение столь же интенсивное, как в центре Москвы в часы пик. Так и ждешь, что вот-вот дело дойдет до серьезной аварии: при такой плотности транспортного потока рано или поздно кто-то с кем-то непременно столкнется. Госпожа Статистика (которую мы еще здесь вспомним) в этом отношении неумолима. Для простого смертного все эти перемещения, как говорится, без разницы, а для политических экспертов, быть может, несут какой-то глубокий смысл. В любом случае вояжи политиков и дипломатов, похоже, свидетельствуют о том, что что-то происходит, хотя никто не хочет нам объяснить, что же именно.

Тем временем мое внимание привлек какой-то удивительный интерес прессы к футболу. Вот в «ПлюсМинусе» (2010, №46), приложении к «Жечпосполитой», помещена большущая статья Бронислава Вильдстейна «Футбол важнее всего». Речь, конечно, не о самой игре, а о любви к футболу премьера Туска и доподлинных ее причинах:

«Много написано о показном характере политики Туска. Можно сказать, что это следствие нашей медиальной эпохи. Но в Польше Туска такая демонстративность воспевается как воплощение демократии. (...) Еще раз следует повторить, что демонстративный аспект современной демократии (по сути противоречащий ей) имеет всеобщий характер, но в Польше это достигло крайней степени, став для лидера «Гражданской платформы» уже не формой деятельности, а ее содержанием. То, что премьер и его пропагандистский аппарат подчеркивают, что Туск, дескать, не доктринер или идеолог, на самом деле означает, что он не предъявляет никаких идей или замыслов, кроме голого стремления к власти. При случае беззастенчивым манипуляциям подвергается язык политики и даже ее понятийный аппарат. Комплекс идей, упорядочивающих действительность, приравнивается к идеологии, а политические убеждения — к доктринерству.

Вместо них играется спектакль на потребу «малых сих», до которых низводятся граждане».

Прочитав эти слова, я решил их расшифровать. Ключом к шифру оказывается специфическое понятие, которое Вильдстейн внедряет в свое рассуждение и которое часто привлекают публицисты, недовольные существующим положением вещей. Вильдстейн пишет:

«Отвращение к политике имеет полезные следствия для правящих и доминирующих групп, особенно если они имеют широкое влияние. Разочарованные граждане перестают заниматься политикой как чем-то непотребным и, следовательно, маловажным. А правители могут действовать вне контроля». И даже больше: правители «становятся невидимыми».

Вообще говоря, я был бы не против пожить в стране, где политики «невидимы», но это возможно только тогда, когда результаты их действий не причиняют мне затруднений, когда мне обеспечены достойные условия жизни и я могу (в границах закона) пользоваться свободой высказывания и действия. Когда эти условия не соблюдены, то, как бы политикам ни хотелось спрятаться, они выставлены на публичное обозрение. При этом важной представляется другая проблема — проблема тех самых мифических «доминирующих групп». Этот термин, принципиально неясный (как «определенные силы» в коммунистической пропаганде), поддерживается другим, который тоже появляется в цитируемой статье, а именно — «истеблишмент Третьей Речи Посполитой». Пусть не до конца известно, о ком речь, но, как можно догадаться, более-менее о том же самом, что когда-то называлось «враги народа» или «паразиты на здоровом теле нации». Вот с такими грозными силами команда Туска, осуществляющая власть, вступает, как выявил Вильдстейн, в симбиоз, который, благодаря «широкому влиянию» (снова не до конца понятный и неудобочитаемый термин), позволяет этой команде существовать. А в результате «мы имеем дело с большинством, которое поддерживает правящую партию, выказывая при этом нетерпимость к оппозиции в такой степени, какую можно признать дискриминацией. (...) Мобилизация истеблишмента Третьей Речи Посполитой, его авторитетов и пропагандистских отрядов дала результат. Типичный для современного состояния западной цивилизации культ молодости, являющийся следствием редукции человека к его биологическому измерению, в Польше Туска приобрел особенно гротескные формы. (...) Самым главным стал футбол и

подготовка к чемпионату Европы, а важнейшей заслугой правительства — программа «Орлик-2012» [строительство стадионов в каждой гмине], в то время как уничтожаются образовательные программы».

С последним трудно не согласиться. Необходимость принципиальной, фундаментальной реформы образовательных программ в Польше — один из главных вызовов, перед которыми страна стоит с 1989 года. И не подлежит сомнению, что необходима сущностная, конструктивная критика действий властей в этой области. Только вот такой критики что-то не видно, хотя в обсуждении этих задач очень бы пригодились столь изощренное перо, как у Вильдстейна. Эффективная политика, о которой так печется этот публицист, не состоит в одних лишь маловразумительных рассуждениях об общем положении, а подразумевает выдвижение конкретных программ. Ни «истеблишмент Третьей Речи Посполитой», ни его «авторитеты и пропагандистские отряды» тому не препятствуют, пока еще «дискриминация» оппозиции большинством не дошла до ликвидации свободы высказывания, которой Вильдстейн, со всей очевидностью, умеет пользоваться. Только вот хочется вслед за Мицкевичем повторить: «Вы почему писать об этом не хотите, господа?».

А покуда господа пишут о футболе, который действительно, как видно, становится важнее всего. Вот на страницах левого ежеквартального журнала «Критика polityчна» (2010, №23/) Михал Сыска в очерке «Против современного футбола» вскрывает опасности, которые несет с собою развитие этого вида спорта:

«Современный футбол — это совершенная машина для делания денег, которой управляют преимущественно коммерческое телевидение и корпорации. Не всем болельщикам такая ситуация нравится. (...) С распространением корпоративной рыночной модели на футбольный клуб мы встретились и в Польше. Несколько лет назад, когда медиа-концерн ИТИ только еще планировал приобрести варшавскую «Легию», комментаторы, футболисты и болельщики во всей Польше восхищались атмосферой, царившей во время матчей на Лазенковской. Громогласные трибуны, эффектное оформление и безопасность, — в результате на столичном стадионе Войска Польского охотно выступала национальная сборная. А с момента покупки «Легии» концерном ИТИ трибуны стадиона стали пугать пустотой и молчанием, так как клуб под лозунгом борьбы с

хулиганством вступил в конфликт с болельщиками. Представляется, однако, что не в борьбе с хулиганами заключалась суть дела. Цель была — сменить зрителя. Новый, построенный на общественные деньги стадион корпоративной «Легии» должен был стать, по замыслу владельцев клуба, местом развлечения среднего класса. Отсюда и высокие, отсекающие простых смертных цены на билеты, и нетипичные рекламные кампании, адресованные людям, которые футболом раньше, скорее всего, не интересовались. Кроме того, руководство «Легии» дало понять, что болельщики не должны и не могут оказывать влияние на текущую политику клуба. Это право забронировано за собственником. Болельщик может быть только клиентом, который покупает услугу».

А ведь задачей клуба должно быть «обеспечить досуг людям труда», что выражено в приведенных автором статьи словах Билла Шенкли, тренера «Ливерпуля», который, как читаем в статье, «всегда подчеркивал свое рабочее происхождение»:

«Социализм, в который я верю, это не только политика. Это образ жизни. Это гуманизм. Я верю, что единственная возможность для того, чтобы жить и добиваться успехов, — это общий труд, когда все вместе работают, помогают друг другу, а в конце дня делятся наградой. Может, я требую слишком многого, но именно так я вижу футбол и именно так вижу жизнь».

М.Сыска собирает в своем тексте множество стереотипов, начиная с культа «рабочего происхождения» как самостоятельной ценности и до антиглобалистской борьбы с крупными корпорациями, которые обеспечивают досуг «среднему классу», отбирая развлечения у «простых смертных». Как видим, футбол — если не самое главное, то все же очень важное. Почему? Это просто: потому что он стал примером паразитирования крупных корпораций на здоровом теле истосковавшейся по развлечениям нации. И, возможно, противостояние этому станет зарей настоящего общественного бунта и даже — в конце автор, как настоящий марксист, обходится без обиняков — революции:

«Болельщики на всем континенте, независимо от своих политических взглядов, ведут кампании против повышения цен на билеты, всевластия коммерческих телеканалов, репрессивных правил на стадионах. Упомянутый Билл Шенкли заявил когда-то, что футбол — это не вопрос жизни и смерти, это нечто большее». Так и видишь: снова призрак бродит по Европе — призрак разгневанного болельщика.

Конечно, я не без причины привел эти фрагменты статьи М.Сыски. Демонстрируемый в ней способ мышления, представленный на страницах самого, пожалуй, амбициозного издания польских левых, вокруг которого собралась немалочисленная группа молодых мыслителей, увы, характерен для этой среды. Использование добрых старых и совершенно истлевших «марксистских» схем анализа общественной ситуации, продемонстрированное в этом тексте, обнажает отсутствие каких-либо концепций, уже не только интеллектуальных, а хотя бы чисто политических. Пора бы, кажется, понять, что, коль скоро развлечение должно быть привлекательным, надо нанимать исполнителей высокого уровня, покупать игроков, цены на которых на гнусном, бездушном капиталистическом рынке подскочили в такую высь, до какой простому смертному и взглядом не достать. А раз надо их покупать за такие деньги, то зритель должен за это заплатить. Цены растут. Болельщики могут протестовать себе сколько угодно. А если у них не хватит денег на билет, то включают в телевизоре программу медиа-концерта ИТИ, получится дешевле. Вот о чем речь.

Но это не отменяет того факта, что футбол — дело серьезное, как доказывает поэт Яцек Подсядло в опубликованном на страницах почтенного католического журнала «Знак» (2010, №12) фельетоне «Будем уважать футбол». Это уже четвертая часть его футбольной саги, что доказывает: Яцек Подсядло не только досконально знает футбол, но и сам футбол стал одним из центральных интересов его жизни, что, впрочем, для артистической натуры не такое уж исключение — во всяком случае в том кругу, который мне лично знаком. Свой объемный фельетон автор посвящает, прежде всего, играм чемпионата мира, в котором один-единственный раз (вдобавок в Германии) польской сборной удалось оказаться в числе медалистов. Шел 1974 год, что, понятное дело, требует комментария:

«С футболистами на чемпионате мира в 74 м коммунякам повезло, как слепой курице с зерном, — им досталось то, на что они всегда зарились и что при социалистическом строе удавалось редко, — создание коллективного положительного героя. Конечно, в этом случае герой создал себя сам, и, конечно, на партийной верхотуре хотели, чтобы всенародно прославились и стали примером для молодежи дружинники, каменщики или комсомольцы, но на безрыбье социалистической кузницы идолов нельзя было пренебрегать и футболистами. Их имена стали известны каждому поляку».

В следующих частях своего доклада о тогдашних асах польского футбола Я.Подсядло с удовольствием вспоминает каждого из героев незабываемого чемпионата, оценивает их заслуги и достоинства (воспетые в прокомментированной им ранее и подверженной профессиональному анализу поэме анонимного краковского творца), чтобы подвести читателя к грустному размышлению:

«Футболисты. Прежде всего это кто-то для нас очень значительный. Мы создаем их себе, как куклы Вуду, из воска их тел и пепла наших желаний. Они — наши представители, в значении, имеющем мало общего с «национальной сборной». Более того, они — это мы сами, только лучше нас. Проходит время, и от них остаются только фамилии, как на кладбище. На отведенной госпоже Статистике страницах «European Football» им уже почтительно уготована вечность, пока еще с пробелом в графе “дата смерти”».

Я так понимаю, что Яцек Подсядло уведомляет нас, что все мы смертны. Пусть и невелико открытие, но все-таки помнить об этом полезно. Поэтому еще меньше меня радует, что, как видно из приведенных выписок, содержанием нашей жизни потихоньку становится футбол, хотя, конечно, я знаю людей, для которых это вопрос исключительной важности, и они готовы писать о футболе не только фельетоны, но и ученые эссе и научные трактаты. Хуже, что в этом потоке, даже в прессе самого высокого полета, футбол становится доминирующей темой. Хотя, с другой стороны, это, возможно, и в самом деле важно: в конце концов, Польша вместе с Украиной — организатор чемпионата Европы 2012 года. И не исключено, что каким-то чудом нам повезет пробиться к медалям. Тогда, ясное дело, наследователям коммуны пофартит, как слепой курице с зернышком. А наши комментаторы будут увековечивать подвиг в увесистых томах и в сотнях газет — от левых до правых и справа налево. Если вдруг появится что-то важное на другую тему, обещаю тут же сообщить об этом в моей рубрике. А что до отвращения к политике, то она мне, и в самом деле, безусловно отвратительна.